

Дмитрий Тригорьев

Мой друг Клайд

Дмитрий Григорьев Мой друг Клайд

<https://litres.ru/74647802>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пруссы - древние жители Самбии. Тевтонский орден завоевал их землю в XIII веке. Язык, верования и культура самбийцев исчезли. Но это лишь официальная версия. Несколько семей уцелели. Они хранили тайну своего происхождения, а главное, из поколения в поколение передавали традиции своего народа, сохранили родной язык и жреческие обряды до наших дней. Лесничий и его помощник Гентас - глава одной из прусских семей, увлечены своими повседневными заботами, их жизнь наполнена трудами, но есть место и радостям и приключениям. А между тем в окрестных лесах продолжают жить прусские духи и демоны...

Содержание

Предыстория	4
Мой друг Клайд	10
1	10
2	16
3	23
4	31
5	41
6	47
7	60
8	67
9	71
10	77
11	82
12	88
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Дмитрий Григорьев

Мой друг Клайд

Предыстория

Странное произошло однажды на берегу Лесного озера. С этого все и началось. Но прежде мне следовало бы раскрыть предысторию опубликованных здесь событий. Замландский лес находится в Прибалтике, на земле, которую в средние века рыцари-крестоносцы именовали «Große wildnis» – Великая глушь. Земля эта в те далекие времена была сплошь покрыта дремучими лесами и болотами, богатыми зверем и птицей. Люди поселились в этих краях в эпоху неолита, хотя охотники наведывались сюда и раньше, а потом вместе с переселенцами с Причерноморья образовали балтский народ, который римляне назовут «эстии», а германцы – «пруссами», сами же себя эти люди называли «сембами». Сембы жили среди лесов, обрабатывали землю, выращивали просо, ячмень и лен, охотились с копьями и стрелами на зверя, ловили рыбу в многочисленных речках, торговали янтарем и нередко разбойничали, нападая на проезжих купцов. Сембы почитали природу и верили в ее божественную силу. Они поклонялись богам, которые олицетворяли стихии природы, а перед алтарем жрецы-вайделоты совершали жерт-

воприношения и хранили священный огонь, когда-то подаренный пруссам великим богом Перкуно. Бог этот объезжал свои владения в огненной колеснице, запряженной двумя огромными черными козлами, и молниями разил неверных ему людей. Так продолжалось много веков, пока между богами и демонами не разразилась Великая битва. Демон Велняс все чаще устремлял свой жадный взор к небесному трону. Мечтая стать правителем этой земли, он собрал бесчисленную армию и развязал войну. Узнав об этом, Перкуно пришел в ярость и направил великие рати богов и духов навстречу воинам Велняса. И произошла между ними жестокая битва. Сверкали молнии от ударов мечей Перкуно и его лютого врага – коварного Велняса, громыхали удары их палиц. Несколько дней бушевала неистовая буря: носились тучи стрел, раздавался лязг мечей и боевых топоров. Содрогалась земля, тьмой застилось небо, проливались на землю кровавые ливни, пылали пожары в деревнях и лесах. Но бесконечны были полчища демонов, точно плодились они в преисподней, новые воины поднимались на смену убитым и поспевали Велнясу на подмогу. В то же время из южных земель потянулись в эти края рыцари Тевтонского ордена. Крестоносцы, а вместе с ними наемники, колонисты, авантюристы захватывали новые земли, разоряли села, крестили плененных жителей, и на месте прусских городищ возводили каменные крепости. Не устояли боги под натиском могучего войска, которое превосходило численностью и мощ-

ным оружием. Понимая, что не справиться с демонами Велняса, Перкуно велел отступить и, уходя на север, проклял доставшуюся чужеземцам прусскую землю. Люди без надежды поднимали глаза к небу, потому что там, как и везде бушевала смерть. Ни мольбы, ни жертвоприношения не помогли вернуть сембам их богов. Торжествовал звероликий Велняс и создал собственный призрачный мир – Ульмеригию. Много крови пролилось в неравных сражениях, погибших прусских витингов клевали стаи ворон и по частям растаскивали одичавшие собаки. Одно за другим погибли прусские племена в борьбе за свою независимость. Лишь немногие семьи уцелели, принимали христианскую веру или спасались бегством, находя убежище на литовских землях. Так в Прибалтику пришла новая эпоха. На завоеванных землях осваивались крестоносцы. Они вырубали леса, осушали болота, строили каменные замки, храмы и города. И тогда звери Великой глуши: зубры, туры, медведи покинули эти края. Они ушли в недоступные леса Севера и Востока. Очень быстро в Замландии, как стали называть эту землю христианские поселенцы, от прежде дремучих лесов остались только маленькие зеленые клочки, которые в наши дни следует надежно охранять, иначе они совсем исчезнут под пилой лесорубов. С тех пор как покинули Самбию прусские боги, многочисленные войны не раз терзали ее. После Второй мировой войны из России приехали новые поселенцы. Мой отец Всеволод Богатырев был среди них, он основал в этих местах Зам-

ландское лесничество. Необходимо было сохранить древний лес. И у него, человека мужественного, это хорошо получилось. Дом наш в глубине леса окружен старым садом. Этот двухэтажный особняк под черепичной крышей был построен еще в XIX веке немецкими хуторянами. Он хорошо сохранился, словно лес оберегал его от несчастий, которые время от времени обрушивались на эту землю. Я рос в этом лесу, и для меня он был родным домом. Вся обстановка в нем: лужайки, овраг с ручьем, ствол поваленного дерева, непролазные заросли, глубокое синее озеро, холмы – близка мне, как домашний уют. Шум ветра в деревьях, пение птиц, насекомых и весенних ручьев, шелест летнего дождя – привычные звуки, которые наполняли мою лесную жизнь глубоким смыслом. Беззаботное детство в доме отца, казалось, никогда не закончится. Но это не так, пришло время поступать в школу, и мама – преподаватель истории – забрала меня к себе в город. Отец часто навещался в городские конторы по службе и обязательно навещал нас на часок, а затем торопился обратно – в свой лес. Только по праздникам и в каникулы мы собирались все вместе. Среди лесников служил у нас старый прусс Гентас – потомок славного рода, уцелевшего на литовской земле. История его семьи неизменно передавалась по наследству на протяжении многих веков. И Гентас, будучи верховным жрецом, хранил древние предания своего народа и чтит его традиции. Жена его давно умерла, и жил он с дочкой Лаймой, которая ему помогала в делах и обря-

дах. А в лесничестве ему служил верный Пергрубрюс – конь белой масти. Теперь Гентас постарел. Испещренное морщинами лицо, белые усы с загнутыми книзу концами и длинная борода придавали ему благообразный вид древнего старика. Но глаза его по-прежнему были зорки. Этот наш прусс видел гораздо больше любого другого лесника. У него были свои тайны. Благодаря Гентасу, я узнал невидимую обычно посетителю лесную жизнь и сам бывал свидетелем многих загадочных событий. Одно из них мне никогда не забыть. Тогда мне было лет десять. Однажды поздней осенью, когда лес уже стоял без листьев, молчалив и мрачен, я проходил по берегу Лесного озера, где среди сосен наблюдал оставшихся на зиму птиц. Как вдруг я заметил странного высокого незнакомца. Он стоял в задумчивости на мысу под зонтичной сосной и глядел на озеро. Кто он, откуда взялся и что делает в нашем лесничестве, я не имел никакого представления. Угрюмый его вид показался мне подозрительным, я спрятался за деревом и стал за ним наблюдать. На нем был черный плащ. Широкий гладкий лоб белел, словно кость, а длинные выющиеся волосы зачесаны назад и лежали на плечах. Он почему-то напомнил мне одного забулдыгу – тракториста из соседней деревни Прусовки, который, как рассказывали взрослые, много пил и несколько месяцев назад сгинул бесследно; поиски его до сих пор не принесли успеха. Не пропавший ли это? Воскрес. Нет, не может быть. Хотя и похож. Я затаился и ждал, что будет дальше. Наконец

незнакомец как будто опомнился от своих мыслей, огляделся по сторонам и, приблизившись к краю низенького обрыва, взмахнул огромными кожистыми крыльями, которые я было принял за складки плаща, и вознесся в небо, точно хищная птица. Сделав круг над озером, он поднялся выше и скрылся за мрачными облаками. Я так удивился, что не сразу решил покинуть свое укрытие – вдруг он вернется. Но демон из-за туч не вынырнул. Тогда, собравшись с духом, я побежал домой. Ни Гентас, ни отец мне не поверили, точнее, сделали вид, будто не хотят слушать мои «выдумки». Но оба все-таки задумались. А потом отец запретил мне гулять в одиночестве далеко от дома. Но разве можно усидеть в нашем саду, когда вокруг столько необыкновенной живности? Я снова устремился в лес.

Мой друг Клайд

1

В богатой библиотеке отца, что и поныне хранится в его кабинете на первом этаже лесного дома, я застревал основательно. С тех пор, как я научился читать, она была доступна мне целиком. В годы моей пытливой юности свободного времени у меня было гораздо больше, чем теперь, поэтому я частенько исчезал из будничного мира в огромном кожаном кресле с книжкой в руках. Читая, мало-помалу я осознавал, что белых географических пятен и в самом деле почти не осталось. Таинственных мест на Земле открыто великое множество, но мне было суждено познать именно наше – Замландское лесничество. Книг о прошлом Прибалтики у нас не было совсем: в то время правительство объявило старые издания о Восточной Пруссии вредными. Но был у нас лесник Гентас, который снабжал меня ценными сведениями. Этот прусс многое знал из того, что происходило в здешних местах задолго до Второй мировой войны. Наш древний лес и окрестности я исследовал вдоль, поперек и вглубь. Отец научил меня видеть, слышать, изучать его и общаться со всеми дикими обитателями. Он считал, эти знания мне будут необходимы. В то же время Гентас открывал мне иную ре-

альность здешних мест. Благодаря его рассказам, я неплохо представлял себе жизнь в самых потаенных уголках Замландского леса, недоступных обычному посетителю, и долго вынашивал план, как туда проникнуть самому. Я был уверен: собственное знакомство с тем скрытым миром принесет мне гораздо больше знаний, чем прослушивание историй Гентаса во время отдыха в нашем саду, по вечерам в его доме или на лесных тропах. Отец же мое любопытство не одобрял. Он совсем не желал, чтобы я увлекался легендарным таинственным и темным миром, чья история глубоко уходит в прошлое Самбии. Мы сами демонов себе создаем, – говорил он. Но удержать меня отец не мог. Разумеется, Гентас предупреждал: «Учти, Ярослав, христианину там лучше не появляться». Он даже не объяснял, почему. Но мне было ясно, этот прусс чего-то не договаривает. И тогда мой интерес еще больше разгорался. К Гентасу, с его странными языческими ритуалами, суевериями и церемониями, я всегда относился с каким-то необъяснимым предубеждением. Ну побаивался его, что ли. Он посещал таинственный мир духов, и потому казался мне подозрительным и загадочным человеком. Отец, в общем-то, его очень ценил. Среди лесников Гентас был самым надежным работником, умевшим быстро сориентироваться в сложной обстановке, и предупредить о грядущей непогоде и прочих бедах, которые могли нас подстергать. А главное, Гентас обладал некими полезными знаниями. Проницательный был человек. Для меня Гентас был авторитетом

по части разгадывания необъяснимых явлений природы. И я обращался к нему по каждому поводу. И так, мой путь лежал в Ульмеригию. Мне было двенадцать, когда я решился отправиться туда впервые. Ни раньше, ни позже, а именно в таком безбашенном возрасте, когда самонадеянность толкает на самые отчаянные поступки, а тяга к познанию, стремление к приключениям и подвигам – превалируют над здравым рассудком и даже родительским запретом. Время от времени отец выезжал в город по служебным делам. Бывало, он возвращался поздним вечером. Само собой я планировал улизнуть в один из таких дней, полагая, будто сумею сохранить свою вылазку в тайне. Нескольких часов для первого знакомства с обитателями современной Ульмеригии будет вполне достаточно, а потом я непременно вернусь туда еще, изучу тот мир тщательней и смогу посещать его, когда вздумается. На случай разоблачения я припас веский довод: будущий лесник должен знать свой лес изнутри. Я легкомысленно полагал, будто ни отец, ни Гентас, никто другой не сумеют этот мой козырь побить. Впрочем, я здорово тогда ошибался. Как бы там ни было, а пытливый мой ум жаждал приключений. Я понимал, что прогулка будет еще та. Гентас живописал Ульмеригию как опасное лесное обиталище духов, демонов и драконов, которые распоясались в отсутствии богов, и поныне нет с ними ладу. Издревле этим миром правит Велняс. А он в жестокости не найдет себе равных. «Боги покинули эту землю, – предупреждал Гентас, – и она, и

мы вместе с ней будем страдать, покуда боги не вернутся». Жуткие твари из Ульмеригии частенько навешиваются к нам. Они приносят несчастья. И это еще мягко сказано. Гентасу приходилось быть начеку. Обладая жреческой властью, он демонов прогонял. Но если нам удастся справиться со злом в нашем мире, – рассуждал я, – то и в гостях я сумею за себя постоять и благополучно оттуда вернуться. Из объяснений Гентаса я понимал, что животным нашего леса духи Ульмеригии так же привычны, как и все остальное, что их окружает. Но только насекомые способны демонов слышать, видеть и осязать. Лягушки, ящерицы, змеи демонов хорошо видят. Птицы, напротив, их лучше всего слышат. Звери же улавливают их невидимые образы, вроде как энергетические уплотнения, что ли. Это позволяет животным вовремя избегать неприятностей. Человеку тут повезло меньше всех. В стародавние времена пруссы обращались за помощью ко всемогущим жрецам, которые прогоняли демонов из сел всеми доступными средствами; кажется, это помогало – спасались. Теперь селянам достается неприятностей с лихвой. Трудно найти жителя наших мест, который бы не пострадал от коварных козней нечисти: то заведут в глухомань грибника, то утянут ребенка, то призовут ураганы, засухи, болезни, подожгут дом, украдут чего-нибудь, замучают – чего только не натворят. В первую очередь надо остерегаться маркополей. Эти пронырливые твари нападают ордами, запросто лишают беззащитного человека жизни, а косточки приносят Вел-

нясу, чтобы получить за них награду. Лишь сильные духом избегают нападения чертей из Ульмеригии. Моего глубоко верующего отца, например, никакие бесы не беспокоили. И вот я дождался удобного случая. Отец собирался в город: его зачем-то вызвали в Обком по охране природы. Пришло время действовать. Готовился я к походу тщательно. Тайком запасаюсь отваром из корневища рагангоры – этот странный напиток Гентаса обостряет чувства: всего один глоток открывает способность видеть гораздо больше, чем это возможно невооруженным глазом. Странное это растение – рагангора. Пруссы свидетели: еще до нашествия ратных полчищ Велняса ведьма Рагангора возомнила себя верховной жрицей и разожгла среди сембов смуту. Узнав об этом коварном замысле, лесной дух Лаздона превратил мятежную ведьму в ядовитую траву, наделив ее тайным свойством, позволяющим прусским жрецам проникать в мир духов. А в простонародье за травой пристало прозвище «ведьмин выродок». Так у Средиземноморской мандрагоры появилась не менее коварная Балтийская родственница. Я знал, где растет рагангора: Гентас опрометчиво (или, может быть, с умыслом) показывал мне укромные лесные уголки, где она встречается. В тот раз, вытащив из почвы ее жабовидный зловонный корень, я, ошалевший от его смрада, зажимая пальцами нос, торопливо сунул его в котелок с кипящей на костре колодезной водой. Те несколько минут, пока эта нечисть кипятилась, а запах ее не ослаб, я стоял под березой и, согнувшись кочер-

гой, стравливал свой завтрак. Трудно передать зловоние рагангоры словами. Мне казалось, будто я погрузился в миазмы выгребной ямы, приправленные запахом гниющего чеснока и мятного листа. Рвало меня со страшной силой. Я даже опасался вывернуться, как чулок, наизнанку. Впрочем, обошлось без этого. Я отдышался, подождал, когда отвар пристынет, затем наполнил им флягу – вышло до половины – и хорошенько закрутил крышку. Корень, сморщенный как мумия жабы, я закопал под старой липой, сделал над могилкой холмик и сверху положил небольшой серый камень. Полфляги напитка хватит надолго: никакие микробы не в силах испортить это зелье или ослабить его ценные свойства – до того оно стойко. Флягу я припрятал в дальнем углу конюшни под половицей, где и помочился на всякий случай, чтобы наш пес-охранник Сед не учуял посторонний запах и не выдал кому-нибудь мой тайник. Накануне похода, вечером, я собрал рюкзак, умыкнул без спросу отцовский термос для чая и достал из тайника заветную флягу. С тех пор я несколько раз посещал Ульмеригию. Но именно тот, первый, поход остался в памяти как самый замечательный, чтобы о нем рассказать. Именно тогда я нашел там необычного друга.

Дождавшись своего часа, как только рычание служебного УАЗика стихло за поворотом, я наскоро оделся, подхватил заждавшийся в углу моей комнаты рюкзак и двинулся в путь. Выйдя на крыльцо, я сперва огляделся, подождал, решив удостовериться, что отец зачем-нибудь не вернется, потом закрыл дверь на ключ и поспешил со двора. Уже за калиткой, смахнув с лица паутинку, я вдруг ощутил запах одеколона. Из-за насморка я только сейчас заметил аромат, перешедший с дверной ручки, когда я за нее брался. Вляпался. Что за наказание! Этого еще не хватало. Возвращаться домой, отмываться мне не хотелось – только терять время. Вместо этого я подошел к луже, что разлилась посреди дороги, и, опустившись перед ней на корточки, ополоснул руку. Закон лесничества: в лес никаких ароматов. Запах одеколона раздражает зверей. За что ни возьмись – останется предательская метка. Любое нормальное животное чувствует на расстоянии все, что происходит вокруг и заблаговременно уходит в чащу. У меня тоже с детства выработана привычка быть начеку, двигаться по тропам бесшумно, часто делать остановки, прислушиваться и осматриваться. Нельзя нечаянно наступить на сухую ветку: любой звук может вспугнуть зверя. Но хуже всего – посторонний запах. Животные чуют его за сотни метров. Отец душился исключительно перед вы-

ездом в город. Осквернить дверную ручку – подлость с его стороны. Возможно, второпях он этого не заметил или не придавал значения. Но мне-то какво! Я немного нервничал. Тем более что смыть запах совсем – не получилось: правая ладонь благоухала на всю округу – так мне теперь казалось. Проклятье! Придется поискать падаль или навоз, чтобы перебить этот приторный запах. Выходка отца меня здорово разозлила. Я повернул к дому, но у калитки заметил старый куст горькой полыни и решил испытать ее. Собрал листья, я тщательно натер ими руки, приняхался. Новый запах оказался сильнее. Через некоторое время он улетучится, на чистое истребив следы одеколона. Я успокоился: теперь все в порядке. В тот раз утро начиналось тихое. Была середина осени. Лес терял разноцветные листья. Многие деревья уже совсем оголились. По кустам развесилась дымка. Земля была пропитана влагой, словно удавшийся сочный пирог, и по ней было мягко ступать. Небо нависало хмурой пеленой. В прохладном воздухе веяло прелью – тем пряным запахом старухи осени, который только она способна источать. Я устремился по лесной дороге, желая поскорее добраться до нужного места и скрыться за деревьями, прежде чем меня заметит кто-нибудь из наших лесников. И вот, свернув на узенькую тропу, я обернулся, прислушался и, не увидев ничего подозрительного, направился дальше. Под ногами хлюпало, но я был в высоких ботинках, так что еще ничего. Повернув налево у старого муравейника рыжих, направился мимо

коллонады высоких ясеней и дальше, перейдя мелкий ручей, зашагал в чашу. Скоро уже Драконов камень. Эта гранитная глыба, расколота на две части много веков назад, возвышается на два моих роста. Между ними лежит древняя тропа. Она уводит в дремучую чашу. Подойдя к этим обломкам, я снял с пояса флягу, открутил крышку и, поднеся флягу к губам, едва не поперхнулся. Нос прошибло жутким зловонием. У меня перехватило дыхание, к горлу подступила тошнота. И хотя я был заранее готов к этому испытанию, вонь жреческого зелья все равно решительно сводила с ума. Но медлить было нельзя. Мне стоило немалых усилий воли, чтобы заставить себя сделать необходимый глоток. Всего-то глоток. Преодолев приступ дурноты, такое очередное препятствие на пути в Ульмеригию – эту стену зловония, я хватил залпом и раскашлялся. Затем торопливо завинтил крышку фляги. Отвратительное пойло. Но за то мгновение, что жидкость находилась во рту, она оставила свой след, и я успел его распробовать. Надо сказать, вкус этой дряни так же ошеломляет, как и ее запах. Только в лучшем смысле. Ничего более вкусного я в жизни не пробовал. Не знаю, что ощущали те, кому доводилось это пить, но терпкий как хорошее вино, прохладный как мята, с восхитительным напоминанием земляники и чего-то еще тонкого давно забытого и одновременно желанного, – вкус показался изысканным. Не сразу я испытал на себе воздействие рагангоры. Повесив флягу на пояс, я прошел между обломками Драконова камня и огляделся.

Вокруг был все тот же осенний лес. Ничего подозрительного не замечалось. Тогда я бодро зашагал вперед, как вдруг почувствовал сухость во рту. Постепенно онемел язык, словно от новокаина, как-то по-негритянски раздулись губы, перед глазами повисла розоватая дымка, в ушах возник пронзительный звон, а в следующую минуту он сделался настойчивым, словно тысячи комаров окружили меня. Чувствуя легкое головокружение, я остановился, чтобы прийти в себя. По коже теперь шныряли мурашки. В тот момент собственное тело показалось мне чужим, я даже испугался немного, а потом повалился на тропу, как непослушная марионетка, будто кто-то отпустил веревки моих шарнирных конечностей. Не знаю, может быть, глоток получился слишком большим, или я чего-то упустил, готовя напиток, или он все-таки перебродил, но ощущал я себя препротивно. При сем этом я был в сознании. Вскоре дурацкое опьянение начало проходить. Я подвигал языком – получилось, кажется, он вернулся в свое прежнее состояние. Губы тоже отпустило. Недолго я валялся посреди тропы, а потом, посидев еще некоторое время, вытянув непослушные ноги, я наконец очухался и неловко поднялся, опираясь рукой о какой-то черный валун. Я как будто вернулся в себя. Мне стало легче, я даже приободрился и повеселел. На шатких ногах я пустился дальше. Пелена с глаз сошла, и окружающее увидел я так же отчетливо, как прежде. Хорошо, если действие глотка этой гадости хватит на весь поход, размышлял я, не очень-то хочется

добавлять еще. Я шагал увереннее, и чем дальше уходил от Драконова камня, тем легче себя чувствовал. Мной овладела необыкновенная легкость, словно я воспарил над тропой. Я вдруг подумал, что прямо сейчас могу вознестись к небу, но это было уже слишком. Звон в ушах пропал. Или, может быть, я просто сплю? У меня про запас был надежный способ это проверить. Обычно я использовал его в том случае, когда не был уверен, что утром пробудился после каких-нибудь сновидений. Во всяком случае, он действовал, а другого метода я не знал. Так вот, оглядевшись, я нашел камень подходящей величины, сел на него нога на ногу и стукнул ребром ладони по колену: рефлекс безотказно сработал. Все в порядке: я в Ульмеригии. Мне всегда казалось, что списывать невзгоды на демонов очень даже удобно. Многие так и делают: обвиняют всех чертей, оправдывая свои дурные поступки. Впрочем, злодейство бесов не преувеличено. Гентас рассказывал, они способны забраться в душу человека и с его помощью вредить окружающим. Ничего не подозревающая жертва, находясь во власти злого духа, творит самые лихие дела. Воровство, убийство, пьянство – не самые жуткие примеры. Но все ли демоны в этом повинны? Поход в Ульмеригию был для меня больше, чем познавательная экскурсия в племя таинственных аборигенов. Я вознамерился проверить те предания, что рассказывал Гентас. И мне кое-что удалось. Пока Драконов камень не скрылся из виду за поворотом тропы, я еще не понимал, что родной лес покинул: в

нем все было как прежде. Это был по-осеннему темный голый лес. Но потом вдруг заметил: как-то странно сделалось вокруг. Я повел взглядом. Ни палой листвы, ни травы, ни былинки. Это наблюдение меня весьма обескуражило. Ведь я часто ходил тут, например, вчера, но ничего необычного не замечал. Теперь же этот лес выглядел горелым. Угрюмый, старый, безмолвный стоял он в тусклом сиянии пасмурного утра. Казалось, в нем нет ни души. Потом я нечаянно задел локтем тонкое деревце, что стояло у самой тропы, и оно рассыпалось в прах. Это Мертвый лес. Гентас рассказывал, что семьсот тридцать лет назад, когда боги покинули Самбию, не выдержав натиска демонов, лес вокруг Драконова камня выгорел от искры, высеченной мечом Велняса при ударе о гранит. Испепеленный лес застыл на века без признаков жизни. Мне сделалось не по себе. Из любопытства я пнул здоровенный пенёк, и он превратился в кучу дымящейся золы. Потом я стукнул кулаком по стволу голой лиственницы, но тотчас об этом пожалел: дерево стало оседать, рассыпаясь в прах и поднимая вокруг серые клубы пыли. Я оказался в западне — меня окружила прямо-таки дымовая завеса. Глаза заслезившись от едкого пепла, во рту появился привкус гари, стало трудно дышать, и я расчихался. На ходу вынув из кармана куртки платок, я прикрыл им нос и бросился бежать прочь, пока не выбрался на свежий воздух. Больше к мертвым деревьям я не прикасался. Всякий скептицизм во мне рухнул, как та лиственница, и я поверил в происходящее. Извилистая

тропа долго вела меня через этот мрачный лес. Наконец он расступился. По обе стороны тропы здесь, на границе леса и луга, в траве стояли два каменных истукана. Эти двуликие стражники встречали и провожали всякого путника, холодно взирая, своими большими круглыми глазами. У каждого в руке был меч острием кверху. Очутившись перед залитой солнцем красивой поляной, я воспрянул духом. Вот здесь я и проведу некоторое время для первого знакомства с местными жителями. Вообще-то я не собирался задерживаться в Ульмеригии на весь день. Надо было вернуться до приезда отца, чтобы не вызывать подозрений, иначе разговор с ним будет весьма неприятным. Ведь я рассчитывал навестить этот мир еще не один раз.

После угрюмой зыбкости Мертвого леса мне открылся светлый простор, я даже решил, будто попал в лето. Передо мной простирались волнистые луга, разделенные перелесками. И эти луга были покрыты цветущим разнотравьем. Слева широкий луг был охвачен лесом, словно темной лапой, в другой стороне виднелась вдали небольшая рощица и отрезок горизонта. Летнее настроение создавалось ясным золотистым небом, с которого сияло васильковое солнце, и выглядел этот мир необычно – будто глядишь сквозь зеленое бутылочное стекло. Высоко в небе рисовал малиновую полосу едва различимый самолет. Неподалеку раздался крик сойки, наверное, меня заметила. Теплый ветерок поглаживал травы. Они были изумительного синего цвета, и казалось, будто стоишь на берегу большого озера, по которому пробегают волны. Тут я поймал себя на том, что мысли мои пустились на самотек, кажется, я невольно дал свободу воображению. Но, продолжив путь, я начал понимать, что происходящее вокруг меня реально. Я шагал по узкой тропе среди колеблющихся трав и, озираясь по сторонам, ждал удивительных встреч с таинственными существами. Я желал открытий. Но вокруг произрастали всем знакомые растения. Маки, люпины, ромашки цвели здесь, невзирая на время года. Над ними порхали обыкновенные бабочки, бормо-

тали шмели, проносились стрекозы. Я готов был разочароваться и, оставив тропу, вошел в живое море стеблей. Трава оказалась мягкой, как лебяжий пух, и в высоту едва достигала моих коленей. Иные цветы хоть и выглядели знакомо, но при ближайшем рассмотрении я вынужден был признать свою ошибку. Коснешься рукой, и они рассыпались в пеструю пыльцу. Тогда я стал обходить их, чтобы не разрушать красоты, но было это нелегко. Невольно я обесцветил полосу трав, по которой прошел, и решил немедленно возвращаться на тропу. Как вдруг я заметил необычный цветок. Он походил на тюльпан с лиловыми лепестками покрытыми желтыми пятнами. Венчик его был плотно сомкнут. Но вот этот тюльпан прямо на моих глазах сделал резкий выпад, хлопнул лепестками в воздухе и сомкнулся. Ничего себе цветок! Так он отреагировал на случайно павшую на него тень моей руки. Я замер от восторга. Вот он цветочный дух гелюсаргас, о котором прежде мне приходилось слышать от Гентаса. Я присел перед этим существом, чтобы как следует рассмотреть. Пока я находился рядом, гелюсаргас не подавал признаков жизни. Стоял себе на одной ноге, плотно сомкнув свой ловчий венчик, и всем видом своим изображал невинное растение. Тогда я поднялся с коленей и отступил на несколько шагов. Мне очень хотелось понаблюдать за поведением гелюсаргаса. А вскоре я заметил еще одного, чуть дальше другого и третьего. Да на этой поляне их целая стая! Эти духи сползлись на солнышко поохотиться. Передвига-

ются гелюсаргасы медленно. У них широкая, как у слизня, подошва, от которой тянется вверх голубой стебелек увенчанный ловушкой. Высотой гелюсаргас не более полуметра, маскируется под цветок, а в случае опасности мгновенно исчезает из поля зрения: втягиваются в самого себя целиком, как улиткины рожки, погружаясь в крошечную, с вишневую косточку, ракушку, которая мгновенно смыкает свои створки. Этот их домик прочен, будто камень, его невозможно сломать. Судя по всему, меня гелюсаргасы не боялись, видимо, люди редкие тут гости. Я решил задержаться на этой лужайке подольше, понаблюдать за этими существами и зарисовать. Жаль, фотоаппарат в Ульмеригии бесполезен: по словам Гентаса, сколько ни старайся – на пленке все равно не сохранится ни одно существо – только обычный пейзаж. Сбросив рюкзак, я достал из него пенал с разноцветными карандашами, альбом и принялся рисовать, добавляя к рисунку пояснения, ну точно как на практике по ботанике. Гелюсаргасы ничуть не смущались моего внимания. Они продолжали заниматься своими делами как ни в чем не бывало. И наблюдение за ними доставляло немалое удовольствие. Вскоре мне повезло проследить, как эти духи охотятся. Завидев над собой странное существо, похожее на дракона величиной с воробья, гелюсаргас метнул к нему свой раскрытый, словно пасть, венчик и с хлопком плотно сомкнул его с плененной добычей. Мой глаз едва уловил эту молниеносную атаку. Что там, внутри, происходит с добычей – мож-

но только догадываться, но через некоторое время, судя по утолщению, которое перемещалось вниз по стеблю, пища в нем и усваивалась. А после не переваренные остатки гелюсаргас прямо так и выплевывал с пушечной скоростью из приоткрытого венчика, так что приходилось быть настороже, чтобы какой-нибудь озорник не угодил мне плевком прямо в глаз. Какие такие существа служат добычей гелюсаргасам, я тогда еще не знал, но кроме этих миниатюрных драконов никого другого цветочные духи не ловили. Пока я находился среди них, отовсюду то и дело раздавались хлопки, но не все выпады были удачными. Иногда проворный дракон умудрялся обойти стремительную хватку хищника и в испуге уносился прочь. Тогда гелюсаргас вновь медленно раскрывал свой обманчивый венчик, приглашая глупую жертву полакомиться мнимым цветком. Оказалось, гелюсаргасы – самые настоящие притворщики. Драконов этих привлекали на поляну цветущие растения. Позже у Гентаса я все-таки выяснил, что пруссы называли этих существ «скридами». Кормятся они цветами, чем и вредят, не позволяя растениям опыляться. У скрида перепончатые крылья, круглая голова с большими, словно распахнутыми от изумления, глазами, пара воронок-ушей, волосатое тельце и четыре лапы с длинными коготками. Мне удалось поймать одного скрида, неосторожно присевшего на мой рюкзак, рассмотреть и зарисовать в альбоме. Он визжал и сопротивлялся, но я справился, прежде чем капризное существо вырвалось из рук и

унеслось прочь. Увлечшись наблюдением за цветочными духами, я слишком задержался на поляне, но потом заметил еще одного местного жителя, который так же ловко маскировался под цветок. Это был желюс. Выглядит он как ромашка, передвигается так же как гелюсаргас, только синий стебелек венчает вертушка из шести белых лепестков. При моем приближении один желюс в мгновение ока завел свой венчик-пропеллер, втянул стебелек и унесся прочь, словно вертолет. Пока я, замерев на месте, наблюдал обитателей поляны, желюсы слетались сюда со всех окрестностей. С помощью подошвы этот дух способен улавливать самое слабое колебание почвы. Он никого не подпустит к себе близко и в случае опасности стремительно улетает. Кормятся желюсы только в ясную погоду ароматами цветов, среди которых и живут. Пока я зарисовывал этих духов, они, привыкнув к моему соседству, двигались среди цветов и с аппетитом потягивали их сытный аромат, нагнетая его лепестками в середину своего венчика. Я с упоением наблюдал эту компанию духов, неразрывно связанных между собой, с цветами и солнечной поляной. Позже, когда я показывал свои рисунки Гентасу, он рассказал мне кое-что любопытное об этих замечательных существах. Оказывается, эти три рода не могут существовать друг без друга. Да так, что если исчезнет один, то два других тоже пропадут бесследно. Гентас пояснил: в июне, когда стоят самые продолжительные дни в году, между духами возникает романтическая связь. Желюс начинает выделять на

дне своего венчика питательный сироп, обладающий сильным ароматом и вкусом слаще медового. Этот подарок привлекает внимание скрид, которые в это время выкармливают своих отпрысков. На этой пище малыши скрид вырастают всего за три дня. Родителям приходится здорово потрудиться, чтобы накормить дюжину прожорливых детенышей, таская пищу во рту. Они слетаются на луг со всей Ульмеригии, ныряют с головой в венчик желюса и пачкаются его пыльцой. От сиропа молодняк, да и сами родители начинают испытывать нестерпимую жажду, которую можно утолить разве что прохладным соком, весьма кстати выделяемым щедрыми гелюсаргасами. Напиваясь сами и таская сок своим детенышам, скриды невольно опыляют оба соседствующих рода. Через неделю цветочные духи приносят потомство. Детеныши, обычно один-два, выпрыгивают на свет прямо из родительского венчика. Но уже в конце июня, когда дело сделано, гелюсаргасы вновь начинают охотиться на скрид. Чем дольше я находился в этом таинственном мире, тем больше замечательных открытий я для себя делал. В то же время, меня постоянно преследовало чувство, будто за мной наблюдают. Впрочем, я не придавал этому большого значения: такое ощущение рождалось всякий раз и в обычном лесу и на лугах. Ведь вокруг полно странных существ, для которых я не менее интересен, чем они для меня, и тоже изучают гостя. Я только что закончил рисовать схему полета желюса, как вдруг среди цветочных духов началось смятение. Гелю-

саргасы, как по команде захлопнули свои венчики и попрыгали в траве, желюсы разлетелись в разные стороны, лишь скриды продолжали кружить над лугом. Вдруг я заметил в траве движение. Какие-то существа скрывались тут и там. Потом они стали высовываться, словно перископы, озирались по сторонам и снова исчезали из виду. Я узнал их. Это варги – охотники на цветочных духов – странные полупрозрачные существа. Гентас рассказывал, не в пример настоящим охотникам, передвигаются они до крайности медленно, но в этом есть преимущество: не возбуждая никаких колебаний почвы, они способны незаметно приблизиться к избранной жертве. Устроив засаду, уверенные в себе варги затаились в терпеливом ожидании: добыча никуда не денется – на поляну еще вернется прежний покой, когда аппетитные существа вновь соберутся на солнышке. У варгов мягкая подошва, голубоватый стебелек, увенчанный подвижными щупальцами нежного сиреневого цвета, окружающими ротовое отверстие. Разглядеть в синей траве этих засадчиков почти невозможно. И они нападают внезапно. Вскоре мне повезло увидеть охоту варга. Одному из них, наконец, удалось приблизиться к гелюсаргасу на расстояние около полуметра. Тогда варг как следует прицелился, улавливая биотоки жертвы до тех пор, пока все пять его щупалец не протянулись в нужном направлении, объединившись в пучок. И, к моему изумлению, он выбросил изо рта хватательную глотку вроде клейкой сетки, усеянной по краю острыми загнутыми назад

зубчиками, набросил ее на жертву. В следующее мгновение пленный гелюсаргас уже втягивался в рот коварного хищника. Все произошло так стремительно, что я едва успел понять, в чем дело. Больше часа я провел на этой поляне, ползая на коленях, выслеживая и зарисовывая местных духов. Интерес к Ульмеригии разгорелся не на шутку. Тогда я решил, что вполне еще успею сегодня добраться и до осиновой рощи. Дойду, думаю, туда, осмотрюсь, отдохну, съем бутерброды с чаем, а потом двинусь в обратный путь. Просто мне очень хотелось посмотреть, кто там еще обитает. А главное, я надеялся разыскать юмисов, которые, по словам Гентаса, помогают сбываться мечтам. Лесник говорил, этих зерновых духов пруссы-земледельцы почитали за трудолюбие, преклонялись перед их щедростью и по весне жертвовали им чашку с крупой, чтобы юмисы заботились об урожае в новом сезоне. По окончании уборки зерна, сембы снова благодарили юмисов подношением зерна прямо в опустевшем поле. Сунув альбом и карандаши в рюкзак, я вернулся на тропу и направился к осиновой роще.

Я понимал, что задерживаясь в Ульмеригии, рискую нарваться на крупные неприятности в случае, если меня заметят враги рода человеческого вроде маркополей или даже самого Велняса. Но мне было так приятно чувствовать себя первооткрывателем, что вернуться домой прямо сейчас казалось глупостью. Не меньшим удовольствием было осознавать, что кроме меня и еще Гентаса этот чудесный мир никто больше не видел. Во всяком случае, в наше время не видел. Да и в глубокой древности среди пруссов общение с миром духов только жрецам и было доступно. Простых смертных, что осмеливались сюда проникнуть, непременно потом преследовали и казили. Иначе власть жрецов как земных наместников богов могла пошатнуться. Другое дело теперь, в случае разоблачения, я мог быть наказан разве что моим отцом. Он сделает мне выговор, чтобы я не шастал, где ни попадя. Ну, может быть, еще придумает для меня какую-нибудь работу потяжелее. Зато Гентас, судя по всему, придерживался иного мнения. Лес для него – своего рода святыня, которую нужно бдительно охранять. А коль со временем эта миссия будет возложена на меня, то кое-какие лесные тайны мне знать просто необходимо. Рано или поздно я все-таки должен был начать их постигать. Издали роща выглядела странно из-за серебристо-голубой листвы, и, казалось, будто

на деревья опустилось пышное облако. Я уверенно шагал по тропе. Но ощущение, будто за мной наблюдают, по-прежнему не оставляло. Все эти духи с любопытством следили за мной. Для местных обитателей я представлял немалый интерес. Вот они и тарасились на меня. Потом впереди, справа, я вдруг заметил косулю и остановился. Крупный красивый самец осторожно щипал траву возле куста боярышника, усыпанного красными плодами. Завидев меня, оленек насторожился, потянул ноздрями воздух, повернулся и поскакал прочь. Я наблюдал его высокие прыжки, пока он не скрылся за холмом, на котором виднелся еще один гранитный истукан. Я отправился дальше и вскоре оказался перед неглубоким овражком. Тут словно бы земля разошлась по шву. По дну этого оврага струился худенький ручеек точно такой, как в нашем мире. Я нередко бродил вдоль его берегов. Все тут было привычно: глинистые берега, каменистое дно, заросли тростника. Я перешел ручей по гладким камням, что торчали над журчащей поверхностью воды, будто спины лягушек. И тут мое внимание привлекло движение среди трав, растущих на склоне. Я поглядел внимательнее и увидел еще одного необычного духа. Это был датан. Собой он похож на ладонку с пятью пальцами-щупальцами, которая возвышается на толстой ноге, хотя может принимать и другие образы: цветка, крота или гриба. Прусы очень любили этого духа за то, что тот показывал им богатые рудой места. С датанами так же водят дружбу и барздуки – местные гномы, которые

нередко справляются у них о залежах необходимой им руды. Датаны живут на почвах богатых медью, железом, золотом. Они и сами выглядят как выкованные из металла цветы, поскольку ползая по земле, находят для себя питательную почву и кормятся, поглощая содержащиеся в воде частицы металла. С первого взгляда на их медную, стальную или золотистую окраску становится ясно, на какой диете сейчас датан живет. О датанах в прусском народе ходило немало чудесных легенд, и Гентас рассказал мне несколько. Одна из них вроде бы называется:

Датан и Телявель

В далекие от нас времена, когда сембы только пришли на землю и стали на ней хорошо обживать, царь демонов Велняс решил поработить их и овладеть земными богатствами, чтобы править на земле безраздельно. И собрал он войнство, и пошел воевать против громовержца Перкуно, но терпели демоны поражения. Крепким было могучее оружие божественных воинов. А вооружал их великий кузнец Телявель. Выкованные им наконечники для копий, мечи, боевые топоры не знали сносу. Накануне решающего сражения, обратился царь Велняс в богиню Аустру. Явился перед кузнецом Телявелем и потребовал выковать меч такой силы, чтобы любой вражеский клинок перерубал. А в награду обещал мастеру дать сундук золота. Послушался Телявель, день

и ночь работал, извел груды металлов, не ведая, для кого на самом-то деле трудится. На третий день явился к нему Велняс в облике Аустры работу принимать. Меч вышел славный. С одного маха зазвенела под ним наковальня и распалась надвое, будто кусок сырой глины, а меч ни царапины не получил. Забрал лукавый свой меч, а взамен полкузницы спалил и умчал на черном коне восвояси. Распознал свой промах Телявель. Не зная, как перед богами оправдываться, приуныл. Проведал Перкуно, в чем дело, разозлился, хотел убить кузнеца молнией, да Потримпо вступился. «Убить Телявеля успеется, – сказал вечно юный бог, – но пусть он выкует тебе, брат, такой меч, который был бы сильнее Велнясова». Согласился Перкуно, дал срок в три дня и умчал в огненной колеснице, носимой тремя козлами, ждать работы кузнеца в своих заоблачных покоях. Недолго радовался Телявель, славя защитника своего Потримпо, и опомнился он, когда полез в закрома, да увидел там, что ни меди, ни железа, ни золота больше не осталось: все на демонический меч ушло. И сковалось сердце кузнеца печалью. Спасения теперь не будет. Явился Телявель к морскому обрыву, сел там, проливая слезы ручьями, и стал ждать смерти: пускай лучше Патолло приберет в свой загробный мир. Но тут услышал причитания горемычного кузнеца медный датан, предстал перед ним и утешил, пообещав дать лучшей меди всей Самбии, да велел отправляться в кузницу, а поутру идти на болото. С зарею поднялся Телявель, глянул в закрома, а там меди пол-

ным-полно. Тогда по совету датана поспешил он к болоту, а там железного датана встретил. Рассказал ему о горе своем и тоже получил указание отправляться в кузницу, а наутро – к ручью шагать. Так и поступил Телявель. На второй день кладовая была полна железом. У ручья Телявель нашел золотого датана и тоже о горе своем поведал, а в ответ получил указание возвращаться в кузницу. С рассветом проверил Телявель закрома и обрадовался: теперь нужных металлов было вдосталь. Весь день и ночь трудился Телявель, чтобы к утру поспеть. И выковал он такой меч, который одним ударом три наковальни перерубал. Явился к нему Перкуно работу проверять и остался доволен. И случилась между Перкуно и Велнясом единоборство. Сошлись они в небе с новыми мечами. Ветер ураганом свирепствовал, искры с небес рассыпались, над землей будто бы пушки грохотали. Бились, пока меч Велняса не переломился от удара Перкунова клинка. Проиграл демон сражение и был изгнан с небес в преисподнюю. С тех пор прусские кузнецы к датанам обращались за помощью и в благодарность носили к морскому обрыву, болоту, ручью широкие чаши с медом.

Такие вот веселенькие сказочки у Гентаса. Эта история навсегда осталась одной из моих самых любимых среди тех, что я наслушался в детстве. В то время, услышав ее впервые, я был полон восторга. Замеченный мною датан был очень красив: бронзовый блеск с зеленоватым оттенком на щупальцах свидетельствовал, что в местной почве содержится

медь. Умное существо. Присев перед датаном на корточки, я достал из рюкзака альбом с карандашами и принялся рисовать. Дух покачивался на своем месте, шевелил щупальцами, словно глухонемой пальцами, но языка его я не понимал. Потом датан покосился на меня, будто спрашивая, надо ли чего? Я покачал в ответ головой. Нет, в металлах я пока не нуждаюсь. С четверть часа я рисовал датана и отдельно изобразил примеры его жестикуляций, чтобы потом Гентаса расспросить, чего они значат. А когда закончил, представил датану его портрет, дух зашевелил щупальцами веселей и раскинул их – понравилось. После этого мы обменялись жестами, выставив: я – пальцы, а он – два щупальца вроде буквы V в знак мира и дружбы, на том и распрощались. На лугу возле рощи меня ждала еще одна любопытная встреча. Повсюду здесь желтели, колыхались на теплом ветерке, шелестели спелые злаки. А над ними, как я и надеялся, порхали юмисы – духи зерна. Я так и встал на тропе, затаив дыхание. Издали юмисов можно принять за довольно крупных бабочек. Выглядят эти маленькие человечки забавно: зачесанные в виде гребня светлые волосы, за спиной пара треугольных крыльев, а одеты все в льняные рубахи, штаны и кожаные сапожки. Сейчас они были заняты сбором зерна, которое уносили в свои шаровидные гнезда, свитые из травы и висящие, словно в невесомости, на окраине луга, возле рощи, кустов боярышника и кромки оврага. Я был в восторге. К тому же над лугом приятно звучал дружный хор юмисов:

Теплей становится заря, Цветами распускаются луга; Меж колосков порхаем мы, Родные травы к нам щедры. Начни свой новый день, Гони скорее лень: От рассвета до заката- Дела будет многовато. Бережно зерно к зерну Собираем дар полей в суму; Мир наш мал, но благодатен – Хватит света и для празднеств. Пляски, музыка и смех Вновь порадуют здесь всех; От забот мы отдохнем, Как стемнеет за холмом. С неба холодом повеет, Звезд рассыплется крупа; День достойно спать проводим, Распростимся до утра. Ночь придет, уснут луга, Ветерок примчит издалека. Пусть приятны будут сны, Сбудутся твои мечты.

Завидев незнакомца, то есть меня, юмисы стали подлетать ближе, они присматривались ко мне с любопытством, заглядывали в глаза и садились на руки. А потом, когда я принял- ся их рисовать, то глядели в альбом, что-то щебетали друг другу и показывали пальцем на портреты. Им было весело. Один юмис предложил мне угощение – крошечное зернышко. Я взял его с благодарностью, сунул в рот и проглотил, не распробовав. Я знал, что в зернышке этом заложена громадная сила, которая необходима для роста молодого растения, а мне оно принесет удачу. Съев его, я попросил для себя благополучного возвращения домой, ничего другого мне на этот раз в голову не пришло. Потом я срисовал несколько картинок с крыльев юмисов. У каждого изображена заветная мечта – весьма оригинальный способ хранить ее при себе, не скрывая от других. Когда одна мечта сбывалась, на ее ме-

сте вырисовывалась другая. И так могло быть сколько угодно. Таков дар бога Потримпо за то, что юмисы даже в трудное время не оставляли людей без хлеба. И только тем, кто чист помыслами дается исполнение желаний. Я заметил, как счастливы юмисы в своем маленьком луговом мире. Никто не может причинить им вред. И гнезда с потомством никому недоступны. Сколько не приближайся – те все равно будут словно бы отмагничиваться, потому подобраться к гнездам и тем более коснуться их – невозможно. Лишь демоны курке научились вредить зерновым лугам юмисов. Эти гадкие демоны время от времени совершают сюда набеги, насылают на зерно порчу, черную ножку и губительные вихри. Впрочем, у юмисов, на случай беды, имеются запасы. Лиходейство курке не очень их огорчает. Но пруссы издревле страдали от злодеяний этих демонов. По милости курке, бывало, полные амбары сгорали. На крыльях одного из юмисов я увидел прекрасный пейзаж. Заметив мое любопытство, дух взял меня за мизинец и повел за собой. Мы прямо-таки нырнули в облако его мечты. Все закружилось перед моими глазами: рисунок юмиса будто бы ожил; теперь мы стремительно летим над загадочным миром, подернутым белесым туманом; как вдруг он рассеялся, и увидел я прекрасные холмистые луга. Какие дивные цветы вокруг! Они распахнули свои пестрые венчики навстречу солнечным лучам; восхищаясь ими, мы пролетаем над лугом, и за следующим холмом я замечаю большие стада животных: лошади, туры, лани

пасутся там, поодаль у ручья пьют воду лосиха с теленком, а белые лилии вдруг превратились в цапель и принялись кружить над лугами, как снежный пух; заросли звенят от бесчисленных насекомых, и дыхание мое перехватывает от счастья видеть этот дивный мир прошлого. Ничто не исчезло! Все уцелело здесь, вдали от жестокости, смерти и варварства. Заметив мой восторг, юмис тянет меня за палец дальше; и вот раздвинулись перед нами кроны могучих деревьев – мы очутились посреди прекрасного леса полного ягод, грибов и цветов, каких я никогда в наших местах не встречал; я пью лесной аромат, пробую спелые плоды, и мякоть их наполняет рот освежающим соком, и тогда я с радостью понимаю: этих кущ никогда не касался топор браконьера. А юмис зовет меня, увлекает в головокружительный полет среди облаков; и вдруг расступилась перед нами серебристо-голубая пелена, и нашему взору открылось море, оно будто бы соткано из нитей цвета синего неба и солнечных лучей; высокие волны с белым гребнем бьются в утесы, и бесстрашные птицы пестрыми стаями кружат над берегом, и словно пытаются перекричать грохот морского прибоя, а вдали, в солнечном блеске, играют дельфины. Летим вдоль берега, и вскоре за дюнами я вижу рыбацкую деревушку; кирпичные дома окружены садами, во дворах вялится развешанная на веревках рыба, в песке весело играют ребяташки, а нарядные женщины ждут к обеду мужчин. Теперь мы проносимся над волнистой поверхностью залива такого прозрачного, что видны громад-

ные спины осетров, и то, как снуют в глубине косяки редких рыб, и с большим восторгом я гляжу, как выпрыгивают из воды лососи с искрящимися радужными боками; стайки лодок под парусами скользят по заливу, в них светлокудрые рыбаки возвращаются домой с богатым уловом, на их мужественных лицах спокойствие, уверенность и счастье от ожидания встречи с любимой семьей... и тут я понимаю: по этой земле никогда не ходила война. Как хорошо здесь! Хочется остаться и зажить тут по-новому, зла не ведая. Здесь любая война плавится на корню под миротворно сияющим солнцем, а всякого, кто пытается этот мир захватить, оно превращает в золу, на которой цветут сады. Вот, где обитает счастье! Неужели это только мне грезится? И только я об этом подумал, как опомнился и, оглянувшись, узнал только что покинутую лужайку в Ульмеригии. Всего мгновение продолжалось наше чудесное путешествие, но запомнилось навсегда. Мой проводник юмис, его звали Джиннис, ободряюще мне подмигнул и, помахав рукой на прощанье, улетел к своим заботам. Я слишком увлекся зерновыми духами. Да мне и в самом деле не хотелось от них уходить. Но, взглянув на часы, — спохватился: время поджигает дальше некуда. Скорее в рощу.

Эта роща посреди холмистых лугов на первый взгляд казалась самой обыкновенной, не считая блестящей синевы крон. Со временем, пока я находился в Ульмеригии, яркие краски перестали удивлять своей несуразностью. Теперь они казались естественными. Обойти осинник вокруг не составило бы труда и за три минуты. В пяти сотнях метров отсюда темнела опушка одной из лап Мертвого леса. За рощей простирался луг, он вдали невысоко вздымался, и за этим хребтом, в зеленоватом мареве, виднелся еще один лесной массив. Я вглядывался в его темные очертания. От леса веяло какой-то необъяснимой тревогой. Меня одновременно влекла к нему загадочность его чертогов и останавливала мрачная неизвестность. Пожалуй, сегодня уже точно туда не пойду, – решил я. Изнутри рощица была прозрачной. Вверху с дрожанием шептала о чем-то листва, пятна света и тени здесь будто играли, толкались, возились на мягкой траве, как озорные зайчата, так что рябило в глазах, и при всем этом здесь ощущался покой. Оглядевшись, я стал искать удобное место, где бы отдохнуть перед обратной дорогой и поесть бутербродов с чаем из термоса. Осины трепетали на ветерке, навевая умиротворение, и мне, среди этих деревьев, было хорошо. Осень ничуть не тронула рощу своими пестрыми красками. Похоже, что в Ульмеригии, осень вообще не такая,

как мы привыкли ее представлять. Утомленный валом впечатлений, синевой солнечного зноя и общением с духами, я устроился в тени высокой осины на мягком багряного цвета мхе. Тут же распаковав рюкзак, достал припасы и принялся за еду. Если не считать тихого шелеста листьев в кронах, то в роще иных звуков не было. И все-таки чувство, будто за мной наблюдают, по-прежнему не оставляло. И мне очень не хотелось именно сейчас увидеть перед собой какого-нибудь местного злого демона. Наспех приготовленные три бутерброда с ветчиной и сыром оказались безумно вкусными. Я даже пожалел, что взял так мало. Наверное, умял бы разом и двадцать три – так я проголодался. Поев, я сделался сонным, меня здорово разморило, веки начали слипаться. Очень хотелось прилечь и вздремнуть. Но спать в Ульмеригии нельзя – раганы того и ждут, чтобы забраться в сон и растерзать душу спящего. С пруссами такое случалось, пока кто-нибудь дремал в полуденный зной на пашне, у реки или где-нибудь еще, эти вредные ведьмы и нападали. Не всякий потом просыпался. Только я об этом подумал, как вдруг краем глаза заметил юркую тень и обернулся. Я стал пристально вглядываться в заросли шиповника, затем поднялся, обошел кусты, заглянул в них, раздвинув колючие ветки, но никого не увидел. Померещилось – убедился я и вернулся под осину. Желание поспать мигом унеслось прочь. Я выпил еще чаю, убрал термос и скомканную фольгу от бутербродов в рюкзак и, глубоко вздохнув, потянулся. Ветер приносил нежные

ароматы каких-то полевых цветов, пахнущих то ли сиренью, то ли розами, то ли ночной фиалкой – не разобрать. В сон больше не клонило. Я сидел, думал, как здесь хорошо, и мне совсем не хотелось этот мир покидать. Он оказался гораздо приветливее, чем я ожидал. Демонов не слышно и не видно. Повсюду одни только забавные духи. Словом, классная тут жизнь, – думал я. Вот исследую этот мир – книжку напишу. Пусть все знают. А теперь пора уже возвращаться. Я поднялся, сделал несколько размашистых движений руками, чтобы размяться, натянул на плечи рюкзак и только двинулся было к тропе, как вновь услышал в шиповнике таинственный шорох. Позади меня в траве кто-то прошмыгнул. Я обернулся. Слева кто-то стал карабкаться по стволу дерева, как белка, я не успел разглядеть, кто это был. Не желая испытывать своих нервов, я зашагал к тропе. Как вдруг прямо передо мной с ветки свесился карлик. Скаля острые красные зубы, он бросил на меня злобный взгляд, ловко подтянулся одной левой и скрылся в кроне осины. Это был курке. Он явно рассчитывал меня напугать. Страх противника делает их сильнее. На мою беду демону его тактическая выходка удалась: я был ошеломлен. Ружья со мной не было. Мысль о нем только сейчас просигналила в голове. Но в те дни я еще не завел себе привычки таскать с собой оружие, хотя, подрабатывая у отца лесником, имел на него разрешение. Я был убежден, что ружье в человеке что-то меняет, и эту перемену хорошо чувствуют все лесные обитатели. Стоит войти в лес с

ружьём — вся живность куда-то исчезает, и окрестности кажутся пустыми. Впрочем, ружьё против демонов бесполезно: они слишком живучие. Я заторопился прочь. Позади, в кронах осин, вновь слышался сердитый шепот. Я резко обернулся, но злоумышленники мигом исчезли. Я зашагал дальше, слушая за собой таинственную возню. Курке решили поиграть со мной в прятки. Но для меня знакомство с ними было сейчас некстати. Эти маленькие прыткие человечки со злобным нравом, змеиными зубами и ростом с небольшого садового гнома отличаются коварством. Летать они не умеют, но быстро бегают на своих птичьих лапах, хорошо лазают по деревьям, одеваются в темные льняные балахоны с капюшоном, который почти никогда не снимают с головы. Курке часто делают набеги на поляны юмисов. Чем питаются эти зловредные негодяи мне не известно. Гентас полагал — медом. Но это никем ещё не доказано. Говорят, в деревнях курке и в наши дни грабят пасеки. Курке явно были не прочь расправиться с забредшим в их владения человеком. Не желая испытывать на себе остроту их зубов, я ускорил шаги. Но чем быстрее я двигался, тем больше злились преследователи. Судя по шуму, большая стая курке бросилась за мной вдогонку. До меня доносились их злобное ворчание, клцанье зубами, шорох травы. Но стоило мне обернуться, как демоны мигом скрывались из виду. Хорошенькая у меня свита, — размышлял я, — только бы не напали. Я быстро миновал поляну юмисов, перешел ручей и направился к Мерт-

вому лесу. Но курке не отставали. Что им от меня нужно? – спрашивал я себя. – Не думаю, что это просто любопытство. Я ждал нападения в любую минуту. Спиной ощущал их коварные взгляды. Во мне нарастал страх, и я не мог его перебороть, он заполонил все мои мысли. Я торопливо шагнул уже по тропе через луг цветочных духов, когда курке набросились на меня всем скопом. Несколько демонов вцепились когтями в мои ноги, спину и плечо. Еще несколько выскочили передо мной и, зловеще шипя, будто кошки, протянули ко мне свои когтистые руки. А один прыгнул на голову и стал дергать меня за уши – издевается гад. Остальные, менее смелые, насакивали, кусались, дергали за штанины и царапались. Глаза их так и сверкали огнем. Чтобы набраться сил и одолеть меня, они усердно нагнетали на меня вящего страха. И это им удавалось. На мое горе курке становилось все больше. Я отбивался, крутился, пинался. Здорово же я взмок; в царапины попадал пот, и они дружным хором зудели. Только бы удержаться на ногах, – уговаривал я себя. – Если свалюсь – конец. А Курке уже не было числа. Они заигрывали со мной как с обреченным, изматывали, ждали удобного случая, чтобы растерзать. Я терял силы. Тут бы мне и погибель, как вдруг из ближайшего куста мне на подмогу выскочил незнакомец. Он разбросал курке кулаками, пинками, сорвал с меня вцепившихся гадов, и те кинулись врассыпную. Курке явно не ожидали атаки с тыла. Я также заметил, что вид нападавшего вызвал у них панику. Курке бро-

сились наутек, шурша в высокой траве, словно по ней пошел гулять ветер. Распугав курке, незнакомец бросил на меня полный сочувствия взгляд и скрылся в кустах. Я остался один. Стоял, задыхаясь, хватая ртом воздух и с тревогой озираясь по сторонам. Но опасность миновала.

Успокоившись, я стал вглядываться в соседний кустарник, рассчитывая увидеть там отважного поборника курке. Не сразу я разглядел среди веток мальчишескую физиономию. Что-то было странное в его взгляде, в печальном выражении его худого бледного лица. На его губах таилась грустная улыбка, на щеках грязные разводы, а в больших зеленых глазах отражалось разочарование – незнакомец явно не хотел мне показаться. Он будто бы жалел о своем разоблачении. Среди встреченных в тот день существ Ульмеригии этот дух имел самый человеческий облик. Его любопытные глаза взирали на меня в упор, а я стоял, как дурак, и пялился на него целую вечность. Надо хотя бы отблагодарить его. И тогда, сотворив самый непринужденный и приветливый вид, я дружеским тоном проговорил:– Выходи. Незнакомец моргнул, но с места не двинулся, разве что переступил с ноги на ногу и облизал губы лиловым языком.– Ну что же ты, – поторопил я, – выходи. Наконец таинственный мальчишка решился, он снова моргнул, и вдруг исчез из виду в кустах. Спустя мгновение, он вышел из своего укрытия и растерянно поглядел на меня своими пронзительно изумрудными глазами с вертикальными зрачками. Ростом он был мне по плечи, худощавый с длинной шеей и с большими крепкими руками. Лицо у него было слегка вытянутое, нос тонкий и уши сверху

заостренные. Словом, обычный подросток. В городской толпе я бы не обратил на него никакого внимания. Правда одет он был как-то не по-нашему: серая льняная рубаша, поверх нее шерстяная накидка, застегнутая под горлом на бронзовую фибулу, из-под синего колпака с белым бубоном ниспадали золотистые кудри, на ногах серые чулки и старомодные кожаные башмаки с медными пряжками.— Привет! — сказал я.— Мир тебе! — ответил он по-пруски.— Ты здорово их раскидал, — проговорил я, кивнув в ту сторону, куда сбежали курке. — Эти твари дали стрекоча от одного твоего вида.— Видит бог, тебе не дюже тут одному выстоять, — застенчиво промолвил он.— Верно, эти курке едва не разорвали меня на куски, — согласился я. — Спасибо.— Более не отважатся напасть, — заверил меня мальчишка. — Ступай с миром.Его странная манера говорить озадачила меня. Я путался в догадках, совершенно не представляя, какому роду принадлежит этот парень. Может быть, он один из местных духов. А может и семб из прошлого. Кто его знает? В следующую минуту мы молча пялились друг на друга, не зная, чем продолжить разговор. Кстати, должен теперь признаться, что в тот день и всегда в Ульмеригии мы с духами общались на родных языках: они все — по-пруски, я — по-русски, но при этом отлично друг друга понимали. Я, конечно, нахватался прусских слов от Гентаса, но свободно прусским не владел. Бывало, мы с Гентасом упражнялись говорить по-пруски, но я плохо его понимал, хотя некоторые слова звучали как-то

знакомо. А тут, в Ульмеригии, никакого барьера, словно бы все говорили на одном языке! Как бы там ни было, этот мальчишка внушал доверие. Когда он снова заглянул мне в глаза, я вдруг ощутил какой-то внутренний трепет. В его взгляде было что-то странное, таинственное, нечеловеческое. Я бы больше сказал, какая-то грусть таилась в его глазах, и я почувствовал к нему расположение. — Курке издревле вам досаждают, — наконец произнес он, желая прекратить затянувшееся неудобное молчание. — Хотя в прежние времена прусскому роду была нужда задобрить их чашкой молока с медом и хлебом. — Но я не прусс, — зачем-то признался я. — Меня зовут Ярослав, я сын лесничего из Замландского леса. Мальчишка понимающе кивнул. — А я зовусь Клайдом, — представился он. — Сын Клайптуса — потомственного маркополя. — Чего?! — не понял я и с удивлением переспросил: — маркополь? Гентас больше всего бранил этих злобных демонов. В нашем лесу нет тварей коварнее маркополей. А тут какой-то мальчишка передо мной прямо в глаза объявляет себя маркополем. Да я и представлял их иначе. Между тем Клайд тяжело вздохнул и, опустив глаза, проговорил: — Наш род маркополей один из старейших. — Иди ты, — не поверил я. — Я давно за тобой присматриваю, — сообщил Клайд откровенно. — Застал тебя в Мертвом лесу возле Драконова камня и следовал по пятам. Мне только убедиться хотелось, что ты не демон, а человек. — Скромно улыбнулся. — Ты, значит, шпионил? — Я с осуждением поглядел на маркополя, ожидая, что вот сейчас он пре-

вратится в уродливого убийцу и сожрет меня. Отобранная у курке добыча по праву принадлежит ему. Но Клайд не превращался.— Прости, я только желал убедиться, — проговорил он.— Да ладно, забудь, — махнул я рукой и объяснил: — Я тут рисовал всех этих духов, чтобы как следует их изучить. Но что-то ты не похож на маркополя. Откуда ты такой взялся?— Я родом из Самбии. Но боги оставили сию землю. Ныне тут правит Большой княже Велняс.— Что-то я не понимаю, ведь Самбии уже семь веков как нет, подозрительно.— Слышал я о сем, — печально вздохнул Клайд.— Тогда сколько же тебе лет? — ухмыльнулся я.— Семьсот сорок один, — невозмутимо сказал он.— Ух ты! Хорошо сохранился! — недоверчиво, понимая, что меня разыгрывают, воскликнул я и тут же добавил: — А мне только двенадцать.— Покуда беда не случилась, в ту годину мне одиннадцать выпало, — сообщил он.— Что случилось?— Я замерз.— Замерз?— И проспал семь веков. — Клайд печально вздохнул. — О сем поведал мне барздук.— Я с трудом понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал я. — Слушай, я охотно поговорил бы с тобой. Может быть, присядем под тем деревцем, — предложил я, указав рукой. — Прикинь, мне еще не доводилось трепаться с юным маркополем, проспавшим семьсот с лишним лет.— Изволь, коли угодно, — согласился Клайд. Я, конечно, страшно торопился домой, но упускать возможность поговорить с очевидцем легендарных событий древности я позволить себе не мог. Я просто сгорал от любопытства. Будет, что рассказать Гентасу, его-то уж точно все

это заинтересует. В конце концов, этот маркополь только что спас мне жизнь. Вспугнутые борьбой цветочные духи стали возвращаться на свою поляну. Они осторожно высовывались из травы и поглядывали в нашу сторону. А мы подошли к сухому дереву с белым гладким стволом, на котором уже не осталось коры. Здесь оказалось удобное место для отдыха. К тому же до Мертвого леса рукой подать. Успею. Я снял и бросил рюкзак на траву, сел, облокотившись на ствол гладкий, как кость, и предложил Клайду выпить сладкого чая. Маркополь кивком охотно согласился и, сев рядом, вытянул ноги. Тогда я достал из рюкзака термос, отвинтил крышку и налил в нее чай. Он был еще горячим. Бледный пар кучерявился, поднимаясь над ароматным напитком, «кружка» обжигала пальцы. Клайд принял угощение обеими руками, с удивлением взирая на мое левое запястье, и, сделав несколько глотков, спросил:— Что значит сей амулет?— Часы, — ответил я, — они время показывают. Сейчас пятнадцать минут двенадцатого, и мне давно пора в лесничество.— Амулет «часы» подобен солнечному знаку Звайгстикса, — тихо проговорил Клайд.— Брось, это всего только часы, мне отец их подарил, — объяснил я. — Они нужны, чтобы определять время.— Я не понимаю.— Ладно, пей чай, пока не остыл. — Щелкнув замком браслета, я снял часы и стал объяснять, с трудом подбирая понятные маркополю слова: — Погляди на эти черточки по краю. Для удобства день и ночь поделены на части. А эти стрелки движутся кругом и показывают, который теперь

час. Или сколько времени осталось до вечера. Понимаешь? Очень удобно. Судя по выражению лица Клайда, он ни черта не понимал. Шумно хлебая чай, маркополь поглядывал на часы с каким-то благоговением, видно, символ солнечно-го бога у него был в почете. Наконец, закончив свое чаепитие, Клайд отер тыльной стороной ладони губы и со словами благодарности вернул мне «кружку». Я закрыл термос и поставил его возле рюкзака. — Возраст дня и ночи отсчитывают солнце и луна, — проговорил Клайд и взял поглядеть мои часы с таким трепетом, точно это была святыня. — Но их не всегда видно из-за туч, — ответил я. — Тогда помогают цветы, травы, птицы, — заверил он. Затем Клайд поднес часы к уху и прислушался, потом вновь стал рассматривать их, положив на ладонь. — У них есть сердце, — с благоговением произнес он. — Если часы остановятся, нужно покрутить вот это колесико, — показал я. — Не иначе как они могут ходить? — удивился Клайд. — То есть замрут или уснут, — попытался объяснить я. — Они могут спать? — еще больше удивился маркополь. — Их всегда можно разбудить. — Я забрал у него часы и, вращая колесико, показал, как это делается. — Я бы отдал их тебе, с благодарностью за спасение, да это подарок отца. — Коли подарок, то пускай при тебе остается, — Клайд бросил на меня свой изумрудный взгляд с пониманием. — А я привык осведомляться по солнцу. — Ну ладно, ты лучше о себе расскажи, — попросил я. — Что же случилось с тобой в то далекое время? — Изволь. — Клайд поглядел по сторонам, не

подслушивает ли кто, и стал рассказывать.

История маркополя Клайда

Когда-то в нашей прекрасной Самбии росли густые леса, сверкали под солнцем глубокие озера, зеленели широкие луга. Всемогущие боги хранили сию землю. А род наш водил крепкую дружбу с родом человеческим. Люди одаривали нас угощениями: чаши с медом, рыба, молоко, а маркополи провозжали вашего брата к местам ягодным, грибным и прочим земным богатствам. Счастливо проживала семья наша. Была у нас хижина земляная в светлом березняке. У отца с матерью семеро детей было, и я меж них по годам средний. Мне сравнялось одиннадцать вёсен от рождения, когда в мире вдруг зло пробудилось. Снова восстал княже Велняс против богов всемогущих. Привел из преисподней рати свои. И загрохотала сеча дюжая. Хотели демоны сполна чашу власти испить. Грозное воинство Велнясово столкнулось в битве с божественной ратью. Мерились они силами, покуда один из них не уступит. Надолго небеса мглой затянулись. Горели села, леса, поля. Сотрясалась земля от ударов жестоких сражений. Род наш, люди, звери поспешили долой убраться. Да мало кому повезло схорониться. Был прусский народ славен, храбр и силен, да не сумел устоять под натиском завоевателей железноголовых, которым Велняс путь отворил. Сотни маркополей оказались в плену. И прочих обитателей Велняс

к себе прибрал. Учинил над ними насилие. Моя семья бежать пыталась. Да отстал я от родни своей. Несколько дней в старом овраге укрывался. Сеча великая грохотала вокруг. От нее политая кровью земля сотрясалась, да так, что разверзлась она подо мной, и провалился я в расселину глубокую. Как было дальше, я с трудом вспоминаю. Угодил я в стужу лютую. Расселина оказалась льдом выстлана, сосульками обвешана, да вековечным снегом заметена. Я едва только и познал, как тело мое холодом сковало, кровь застыла во мне, и сознание затуманилось. А потом увидел я мир чудесный: лес густой на морском берегу, солнцем залитый пляж широкий и море бескрайнее; я спустился по склону к воде; море горстями выносило на берег янтарь; бродил я по теплому песку, янтарные куски в подол рубахи собирал, расщедрилось море; волны ноги мне омывали, на дюнах трава шелестела, в лесу птицы пели; собрал я ценного камня столько, чтоб хватило на скромную жизнь подольше, да и подол рубахи отяжелел, тогда я задумал к дому воротиться; стал вверх по склону лезть, а тут налетел с моря хладный ветер, поднял он большую волну, такую, что морской горизонт застила, и пошла она к берегу стеной; карабкался я, желая от волны уберечься, да песок под ногами осыпался, глубоко я в нем увязал, едва не утоп; а волна за спиной приближалась, росла и гудела, насилу я успел до кромки обрыва добраться и за куст ухватиться; в то мгновение волна и обрушилась, обдала меня студеной, отобрала янтарь из подола, так и остался я

висеть на ветке ни живой, ни мертвый; затем подтянулся из последних сил, выбрался на край обрыва и остался лежать без памяти; очнулся я промокший до нитки, озябший и слабый; не знал я тогда, сколько времени мертвым пробыл; и вдруг поднялось надо мною солнце.Обогрело меня спящего. Я прежде пошевелил пальцами, рукой, ногами, потом полной грудью вдохнул теплого воздуха и поднялся из лужи, в которой неизвестно, сколько времени провалялся. Оглядевшись по сторонам, уверился, что жив остался. Ни моря, ни янтаря, ни леса кругом не было. Когда я выбрался на свет, подивился: вокруг луга цветут, по дну оврага ручеек бежит и вокруг спокойствие, от великой сечи уже и следа не осталось. А птицы как звонко щебечут! Всего, думал, ночь, другая прошли, а мир так сильно переменялся.Долго я блуждал в поисках родни своей. Ветхая одежда на мне совсем прохудилась. Ноги едва слушались, словно носить меня поотвыкали. Приходилось мне отдыхать часто, растирать их вялыми руками, на солнце греться. Но сколько не бродил я по лугам, лесам и холмам, да только ничего не узнавал я вокруг – все мне было чужое: запахи, лес горелый, духи глупые.На другой день встретил я барздука. В прежнее время маркополи с барздуками дружбу водили. И я рад был нашей встрече. Но барздук поначалу меня не признал. Сидел на пне, перебирал цветные камешки, да меня не примечал. Я когда подошел, напугал его крепко: рассовал он свои ценности по карманам и стал глядеть на меня с удивлением, даже рот его распахнул-

ся так, что в него поместился бы еж, а борода по пояс опустилась. Тогда я назвался, поведал, что со мной приключилось, и спросил: чем сеча великая завершилась? Тут барздук пуще прежнего удивился. А когда разобрался, в чем дело, назвался Гирином, сыном Рёкина, и поведал такую историю, что у меня самого дух захватило. «Нет больше Самбии, – сказывал он, – С тех пор, как война закончилась, как боги эту землю покинули, как уснул ты в мерзлоте, прошло семь с половиной веков. Теперь мир наш зовется Ульмеригия. Правит ею царь Велняс». Я испугался, выходит, и сечу проспал, и земля уж не та, и семьи моей больше нет. «Если бы ручей не размыл твой овраг, а солнце не припекло, да подземная мерзлота не растаяла, спал бы ты, Клайд, еще неизвестно сколько», – молвил Гирин. И правда, не в пример барздукам и людям, наш род хладнокровен, и легко мы впадаем в оцепенение при первых заморозках. «Тебе, друг, крупно повезло, – сказывал Гирин дальше, – Хорошо сохранился. А вот сородичи твои были взяты в плен и обращены в рабов царя Велняса. И поныне они на службе его. Впрочем, они сами сожрали все то лучшее, что в них было. А то, что осталось, выглядит гадко». «Что же случилось?» – мне хотелось знать все. «В то далекое время князь Велняс предложил маркополям выбор: смерть или жизнь за службу, – продолжал Гирин. – Многие согласились, другие бежали, остальных демоны растерзали. Те, кто попали под власть Велняса, сами в демонов обратились. Для этого князь выставил особые зеркала

Судьбы, которые обладают чудовищным свойством: те кто в них отражаются, начинают превращаться в ужасных чудовищ. Люди, маркополили, барздуки – неважно кто – в одно мгновение обзаводились клыками, когтями, крепкими лапами. И вид их становился устрашающим – точно были вылеплены самим мастером Велнясом: одни корявые, будто корни с птичьей головой, мохнатые, они хорошо маскируются в лесу, другие тучные, с жабьей мордой и зубастыми челюстями да такими мощными что медвежий капкан, третьи покрыты щитками, с зубастой щучьей пастью. Все они свирепые, с большими зелеными глазами, и несметной численностью своей могут задавить любого противника, используя в своем арсенале клыки, рога, когти. Берегись, встретишь маркополя – ни за что не признаешь в нем сородича. Только мы, барздуки, спаслись в наших подземных городах. Велняс не может к нам подобраться. Мы свободны, дружим с людьми да предупреждаем злые козни демонов». Вот, что узнал я от Гилина. «А после, – заключил он, – много войн, бедствий, несчастий переживала земля наша, и конца этому не видно». На сем и распрощались. Нынче мир враждебный. И вчера вечером я в этом убедился. Полчище демонов поганых рыскало по лесу. Приняв меня за барздука-шпиона, схватили, собрались уже растерзать, да увидав, что из царапин моих течет зеленая, как у них, кровь, отступили. Оторопели маркополи от удивления, а пока собрались с мыслями, рати барздуков атаковали их, прогнали со своих угодий, а меня освободи-

ли. Это Гилин пришел на подмогу. Одарил меня барздук новой одежей, да обещал впредь мне помогать, а пока дал совет поискать себе убежище поукомпней, и скрылся в земле. А потом опустилась холодная ночь. Я провел ее в лопухах у ручья на дне оврага, иного жилища мне нет. Третий день уж сегодня. Я размышлял: пора бы найти себе кров. Тут Гилин вновь мне явился. Тогда я попросил его поведать, что с нашей землей происходит. «В Ульмеригии царствует зло, – поведал он. – Власть, деньги, роскошь ценятся здесь превыше всего. Без денег всяк обречен на несчастье. За кусок хлеба надо платить. А стоит он дорого, ой, как дорого. Не меньше ста глэз. И Велняс богат, владея несметными запасами янтаря. А барздуки несут большие потери своих сокровищ». «А сколько значит сто глэз?» – спрашивал я. «Десять горстей янтаря, – молвил Гилин, – а запасы его тают. Цена все растет. Велняс и его приближенные богатеют. Жизнь их сытна. Да еще разбойничают они в лесу, деревнях и даже городах. Все ради этих глэз. «А что же люди?» – спрашивал я. «Не те люди нынче, – отвечал он, – нет больше сембов. Теперь не верят в дружбу с нами, барздуками. И тебе, маркополю, не будет милости ни здесь, ни среди людей. Но я уверен, боги вернуться в наш мир. Живет в здешних краях один человек. Он из пруссов. Его имя Гентас. И он знает, как избавить нашу землю от демонов. Ступай к нему». Так сказывал Гилин. Уж я и белому свету не рад. Лучше бы мне сгинуть вместе с родными. Да только Судьба уготовила мне иные терзания.

Закончив свой рассказ, Клайд горестно вздохнул и стал глядеть вдаль с печалью, как в сумрачную неизвестность.

Я был впечатлен историей Клайда. Много же я не знал! А юный маркополь, который три дня, как в этот мир заявился, нарисовал мне более-менее полную картину. – Послушай, Клайд, – проговорил я, – это классно, что ты самим собой остался. – Дружески похлопал его по плечу. – Я готов помочь тебе. Ведь я знаю этого человека. Гентас служит у моего отца. На самом деле я не представлял себе, как помочь бедолаге. Оставаться в этом враждебном мире ему, конечно, нельзя. В нашем лесничестве демоны его тоже достанут. Среди людей свободолюбивому маркополю не будет ничего худшего, как жить вроде домашнего питомца: всякому захочется поглазеть, будто на зверя в цирке. Теперь мы оба зашли в тупик. Сидели под мертвым деревом, не решаясь расстаться, и не в силах придумать чего-нибудь стоящего. И тут произошло следующее: из соседних кустов выскочило какое-то существо, схватило мой термос и – наутек. Нападение произошло так стремительно, что я даже не успел разглядеть, кто этот тип. Клайд тоже едва опомнился, как вор скрылся в траве. – Курке! – с досадой в голосе воскликнул он и вскочил. – Термос! – с ужасом вскрикнул я. – Он умыкнул термос. Мы подхватились и бросились за демоном вдогонку. Но тот, проворный, словно пес, летел сквозь траву, как угорелый; только стебли шелестели над ним. Клайд, что было сил, бежал

за курке, стараясь не потерять его из виду. Я, опомнившись, вернулся к дереву, подхватил рюкзак и, надевая его на плечи, поспешил за Клайдом. В какой-то момент маркополь нагнал воришку и едва не сцапал его за капюшончик, но курке взвизгнув, как крыса, шмыгнул в сторону и, оседлав дождавшегося под кочкой зайца, помчал на нем, виляя, к дальнему лесу. Теперь мы оба потеряли злодея из виду. Только что был на глазах, а тут вдруг мигом скрылся за холмом. Остановившись посреди луга, мы и слова не могли выговорить, пока не отдышались. Позади меня осталась брешь в траве: словно мотоцикл проехал. Этот мой след, наверное, зарастет нескоро. Но курке и Клайд при движении не причиняли цветам никакого вреда; выходит, и по следу не разыскать демона.— Гилин говорил, в стане княже Велняса нынче праздник урожая, — переведя дух, вымолвил Клайд. — Все добытое курке несут в Стабгард.— Это термос отца, — впопыхах выплеснул я. — Подарок моей матери на день его рождения. Он очень дорожит им. Что я теперь скажу?.. Ох, и влетит мне теперь.— Мы найдем твой сосуд в Стабгарде, — ободрительно пообещал Клайд.— Тебе, может быть, и все равно, где найти смерть, — в сердцах сказал я. — Но у меня больше нет времени торчать в Ульмеригии.— Я найду сосуд, — пообещал Клайд.— Сумасшедший, тебя сцапают прежде, чем ты разыщешь этот термос, — упавшим голосом пробормотал я.— Все равно пойду, — упрямо проговорил он. Я поглядел в его печальные глаза. Клайд был в отчаянии. Но мне и в самом деле надо было

возвращаться домой, теперь отец убьет меня и за термос, и за поход в Ульмеригию, если я не придумаю какую-нибудь отмазку. Но в то же время, мне не хотелось оставлять несчастного маркополя в беде. Я замялся в замешательстве. Отец наверняка уже к обеду вернулся. Думает, я в лесу или в деревне. До темноты, он, конечно, не спохватится. Но успею ли я? А термос придется вернуть. Иначе отец пристанет с расспросами, ведь кроме меня взять термос некому. Вынудит рассказать, где это я столько времени шлялся. Но что я стану объяснять в свое оправдание? Все равно теперь: или я погибну в Ульмеригии, или меня прибьет отец. Но может и все обойдется.— А это далеко? — спросил я.— Нет, за тем вот лесом, на холме, — ответил Клайд, показывая пальцем в том направлении, в котором ускакал курке на зайце.— Ладно, я пойду с тобой, — решительно произнес я. Клайд едва кивнул. Я понимал, что рискую. Но Клайд, найдя во мне надежного попутчика, заметно приободрился. Мы выбрались на тропу и зашагали по ней к темневшему на горизонте лесу. Между тем погода внезапно испортилась. Сильный ветер пригнал тяжелые грозовые тучи. Лиловыми рваными мешками висели они. Все потемнело вокруг. И вскоре ветер расшвырял пуще прежнего. Травы склонялись под его напором. Как вдруг полило. Мы бросились к оврагу и укрылись в нем под широкими лопухами, вздрагивающими от капель дождя, тяжелых, словно картечь. Яркая вспышка внезапно озарила овраг. Над головой прогрехотало. Бушующая, гроза на-

правлялась в сторону дальнего леса, она торопилась. Ошметки фиолетовых туч цепляли кроны деревьев. Приуныв от своей беспомощности, я понимал, что позволил втянуть себя в какую-то жуткую авантюру. Впрочем, еще не поздно было и отказаться. Что если этот маркополь валяет передо мной дурака, и хочет обманом преподнести меня на обед Велнясу. Тот, конечно, будет доволен. Хотя сомнительно это. Клайд уже давно мог бы прикончить меня и позвать своих приятелей разделить трапезу. Нет, это вряд ли, все-таки хочется ему верить. Клайд дрожал под своим лопухом, то ли изнемогая от сырости и холода, то ли от страха. Я высунулся из убежища проверить, скоро ли в небе замаячит просвет. Надежда, что ветер быстро унесет грозу прочь, не оставляла меня. Он крутил черные тучи, вышибал из них искры, рвал на части, будто жадный хищник, настигший жертвенное стадо. И небо в диком ужасе трещало, ревело, грохотало с раскатом. А потом я заметил странных существ. Они бегали по мокрому полю в самый разгар стихии. Их было много, не меньше полусотни, но к ним примыкали еще и еще – слетались со всей округи. Эти прозрачные демоны напоминали стрекоз величиной с журавля, у них были длинные лапы с когтями и хвост похожий на плеть, которым нетрудно сбить с ног и взрослого человека. Казалось, эти твари охотились за грозой, и следовали за ней, купаясь в дожде и отлавливая очередной удар молнии. Нет, мне не померещилось, они именно за молниями и охотились! Я собственными глазами ви-

дел, как один из демонов принял на себя раскаленный зигзаг: молния прошла сквозь него в землю, и демон разделился надвое. Обе половины ничуть не пострадали. Напротив, они были очень возбуждены, остались довольны и немедленно бросились за очередной добычей, чтобы молния разделила их еще раз. Половины быстро восстанавливали свою целостность. Больше того, получив заряд небесной энергии, демоны начинали испускать неоновое свечение. Как этим существам удавалось предвидеть точное место удара грозы – понять невозможно. Я сполз в лопухи, растормошил вялого Клайда и рассказал ему о молниеловах. – Кто эти чудачки? – спросил я. – Это не чудачки, это мурги, – едва слышно промолвил Клайд. Я снова выбрался из укрытия. К своей радости, я заметил, что гроза уходит. Ветер гнал свое потрепанное стадо туч над лесом. Вдалеке уже показались просветы зеленого неба. А эти мурги с выпученными глазами на клыкастой морде следовали за ненастьем, стараясь не упустить ни единой электрической вспышки. Они ловко бежали на задних лапах. Передние же были короткими, трехпалыми, но снабжены большими загнутыми, словно крючки, когтями. А прозрачные крылья их были сложены за спиной. Весь мокрый я следил за мургами, упираясь локтями в землю и напрягая во мраке зрение. С пряжей моих волос капало, по лицу текли ручейки, вода попадала за шиворот, но я не мог отказаться от наблюдения. Ведь Гентас ничего не говорил мне о таких странностях в поведении мургов. Меж-

ду тем гроза покинула этот луг. Мурги тоже исчезли. Наверное, они будут следовать за ненастьем, пока небо не уймется. Насмотревшись вдоволь, я вернулся к маркополю, переполненный свежими впечатлениями.— Грозы привлекают воздушных духов, — проговорил Клайд, прижимаясь ко мне в поисках тепла.— Для чего? — спросил я.— Им нужна небесная сила для превращений, — сказал Клайд.— Превращений? — еще больше удивился я.— К счастью, грозы случаются не часто, а то мурги бы слишком расплодились.— Странные эти духи.— Будь осторожен, мурги коварны, их пение завораживает и усыпляет всякого, кто слышит их воздушный хор.— По-моему, сейчас им не до песен.Отгрохотав, грозовая вакханалия унеслась прочь. На небо вернулась тишина. Покой опустился на нас, будто ватное одеяло. Только ручей журчал веселее; ливень напоил его, и он взбодрился, раздался в берегах и норовил к нам с Клайдом подобраться. Вновь засияло солнце. Ветер улегся на поле и затих среди трав. Некоторое время до нас доносились раскаты грома. Все тише и реже грохотала гроза, пока совсем не стихла вдали. Воздушные духи скрылись из виду. Тогда мы выбрались из оврага и поспешили по тропе к лесу. Мир после дождя вспыхнул свежими красками. Словно его обновили. Под золотистым небом синяя трава была покрыта янтарного цвета каплями, в которых искрами играли солнечные лучи. Казалось, будто на волнистое озеро сели тысячи золотых светлячков. Тропа так размокла, что к подошвам липла рыжая грязь, ботинки

то и дело скользили, как по сливочному маслу, а местами погружались в колдобину, которая с неохотой и чмоканьем отпускала наружу. Дальше с пологого холма было видно, как тропа извивается через луга до самого синего леса, который величаво поднимался темной стеной с вырисовывающимися на фоне неба шпилями елей, куполами дубов, пологом сосен и других деревьев. Вернусь домой, обязательно нарисую этот пейзаж акварелью во всех его волшебных тонах.

Полдня как я набираюсь впечатлений. Хватил уже с лишком, по самое горло, а впереди неизвестность. Шагая следом за Клайдом втихомолочку, я погрузился в мысли, с трудом переваривая события этого дня: кража термоса, демонические пляски в грозу, странные повадки духов. Я вспомнил, как еще совсем недавно бегал по этим вот лугам, не подзревая, сколько невидимых тварей скрывается в местной траве. Я думал, что с детства знаю здесь каждый бугор, всякую букашку и былинку, да ошибался. Истории Гентаса воспринимал я как сказки и до сих пор отделял миф от реальности, пока не получил возможность увидеть все разом. Теперь мне хотелось поскорее забрать свой термос и свалить домой. Потом я стал размышлять, стоит ли по возвращении рассказывать обо всем Гентасу, ведь он всегда противился, когда я просил его взять меня с собой в Ульмеригию. Станет ли он упрекать меня в легкомыслии? Впрочем, я был так переполнен впечатлениями, что мне жутко хотелось кому-нибудь обо всем рассказать. Конечно, Гентас не станет наказывать меня, а если хорошо попросить, он ничего не выдаст отцу. Между тем лес впереди поднимался все выше. В каком-то месте мы с Клайдом сошли с тропы и двинулись напрямик через луг. Это должно было помочь нам сэкономить время. Но ботинки мои отсырели, и я здорово натер правую

ногу, так что начал прихрамывать. Некоторое время я рыскал попутно взглядом в надежде увидеть хотя бы лист подорожника, да все бесполезно. Я едва поспевал за маркополем.— Постой, Клайд! — окликнул я с отчаянием. Клайд обернулся, прочел гримасу муки на моем лице и вопросительно кивнул.— Ногу натер, — объяснил я, садясь на траву, затем расшнуровал ботинок и снял его. Серый носок на пятке пропитался каплями крови. Я осторожно отклеил его и стянул, морщась от боли. Увидев это, Клайд повел взглядом по сторонам, прошелся в сторону, сорвал там что-то и подошел ко мне, протягивая широкий синий листок.— Поплюй на него и приложи к больному месту, — посоветовал он, косясь на сочащуюся из раны кровь, красную, как и положено у людей.— Ты нашел подорожник! — обрадовался я. — Ни за что бы не узнал его в таком цвете, — добавил я, рассматривая лист, и затем сделал так, как велел Клайд.— Все в этом мире иначе, — печально согласился он. — Вчера Гилин врачевал мои раны этим растением и советовал хорошенько его запомнить.— Ладно, я тебе верю, — сказал я, ощущая легкое пощипывание на пятке: этот листок тотчас принялся за лечение. Потом я осторожно натянул носок, надел ботинок и выпрямился. Теперь идти стало легче. Я больше не прихрамывал. Пруссы знали толк в лекарственных растениях. Вскоре мы опять выбрались на тропу. Но едва сделали несколько шагов, как прямо перед нами, словно гриб из-под земли, выпрыгнул барздук. Это был Гилин. Довольно примечательная особа: длин-

нобородый карлик в шапке-ушанке с лицом старого мудреца, но молодо искрящимися карими глазами. На нем под вязаной жилеткой была красная полотняная рубаша, полосатые шаровары и сафьяновые сапоги. Там, откуда барздук появился, не было ни норы, ни трещины, ни ямы, словно этот дух сквозь землю просочился.— Гилин, рад тебя видеть! — весело воскликнул Клайд.— Мир вам! — ответил старичок с поклоном. Разумеется, Гилин знал, кто я такой, но из вежливости протянул мне руку для знакомства. Он даже представился мне с поклоном, так что его черная борода коснулась пояса, и с благоговением повторил мое имя. Лесники здесь в почете. Представляю, сколько раз он тайком наблюдал за мной, пока я рос. Думаю, здорово я повеселил его своими ребячьими забавами, и от этой мысли мне сделалось не по себе.— Где же твой колпак? — между тем услышал я вопрос Клайда. И в самом деле, этот барздук в меховой шапке больше походил на русского лешего, чем на себя самого.— В шапке под землей теплей, — ответил Гилин. — Гентас подарил ее со словами: «На снеговой сгодится, чтоб не простудиться». Добрый человек, заботливый.— Хороша твоя шапка, — согласился Клайд.— У моего отца такая же, только побольше, — зачем-то сказал я. Оба приятеля самодовольно мне улыбнулись.— Куда же вы направляетесь? — поинтересовался у меня Гилин.— В Стабгард путь держим, — ответил Клайд.— К Велнясу, что ли, с поклоном, — хитро прищурившись, произнес Гилин. — Или какая иная задумка имеется?— Злая беда постигла нас, — с

тихой грустью проговорил Клайд.— Какой-то подлый курке стащил у меня термос, я должен его найти, иначе... — тут я умолк, не зная, что еще сказать за этим «иначе».— Очень ценный сосуд, сберегающий тепло, — добавил Клайд.— Знамо дело, сегодня осенний праздник урожая, — сказал Гилин. — В Стабгарде будет ярмарка. Это самый счастливый день в году. Но праздник праздником, а шпионы все равно начеку, — намекнул он.— Было бы боязно — не соизволили бы, — сказал Клайд. — Но я помогу вернуть сосуд. Авось посчастливится. Гилин расплылся в улыбке, глядя на бойкого паренька: было видно, его умилял старомодный говор Клайда.— Нам бы поторопиться, — сказал я с нетерпением.— Я провожу вас, — решил Гилин, — есть путь покороче.— Храни тебя Перкуно, — обрадовался Клайд.— Во имя защитника нашего, — проговорил Гилин, воздев глаза к небу, словно надеялся увидеть там самого Перкуно. И мы зашагали по тропе к лесу.— Обойдем Гадючье болото, — попутно разъяснил Гилин, словно выловив мой немой вопрос из воздуха. — Но придется идти лесом Лаумы. А там до Стабгарда — недалеко будет. Хозяйка сейчас у Велняса, так что лес стережет Габия. Сейчас он особенно чуток. Примем меры предосторожности. Я не стал уточнять какие еще меры — сам увижу.

Вскоре мы оказались на лесной опушке. Но прежде чем войти в лес, Гилин попросил обождать. А сам огляделся по сторонам.— Надо Габии поостеречься, — объяснил он. — Слуга Лаумы зорко глядит, владения ведьм сторожит, никого не пропускает, всех огнем испепеляет. — Затем его голос перешел в дрожащий шепот: — Подкрадывается он незаметно. Чей взор поймает, тому глаза выжигает. Но есть от него защита — лунник. Чем дольше я нахожусь в Ульмеригии, — подумалось мне, — тем больше сомневаюсь в здравом рассудке некоторых местных жителей.— И как этот лунник помогает? — поинтересовался я.— Габия пылает, быстро пляшет, голову морочит, — объяснил Гилин. — Только перепонки лунника позволяют его вовремя разглядеть, глаза защитить, да от гибели уберечься. Вот здесь мы и найдем лунник. — Гилин огляделся и направился к ближайшему калиновому кусту. Мы с Клайдом немедленно последовали за ним. В тени деревьев возле калины стояли сухие кустики, увешанные плоскими плодами с матовой серебристой перегородкой прикрытой парой бурых крылышек. Не раздумывая, Гилин принялся за дело: сорвал плод, оторвал крылышки, затем, шелуша в пальцах, освободил перегородку от семян и отдал ее подержать Клайду. Потом он проделал то же самое с другими плодами, пока не решил, что теперь перегородо-

док будет достаточно. После этого Гилин сорвал стебель какой-то гибкой травы, взял с ладони Клайда одну перегородку лунника, продел с ее узкого бока стебель, завязал и подтянул к ней другую перегородку лунника, оставив меж ними расстояние, чтобы вышел мосток, – получилось что-то вроде пенсне. Примерив это приспособление над носом Клайда, Гилин еще подровнял, хорошенько закрепил и остался работой доволен. Затем он привязал с обеих сторон пенсне по стеблю, так что получились душки. Готовые очки Гилин вручил Клайду. Следующие очки он так же ловко смастерил для меня и, наконец, для себя. Теперь наша экспедиция превратилась в компанию слепых очкариков, потому что, надев сей предмет на нос, я ничего толком не увидел, словно бы глядел в заиндевелое окно. Продолжать в очках путь не могло быть и речи. – До поры до времени можно снять, – посоветовал Гилин. – Я дам знак, когда они понадобятся. – Но как эти очки спасают? – не удержался я. – Ты увидишь в них Габия светящимся неоновым силуэтом, – ответил он. – Не позволь ему заглянуть в твои глаза. И все обойдется. Я печально кивнул. – Много лет назад Габия ослепил человека, – продолжил Гилин, когда мы вошли в лес. – Это стоило несчастному жизни. – Как это произошло? – удивился я, зная, что кроме Гентаса в Ульмеригию никто больше не проникает. – Они называли себя «фашистами», – ответил Гилин. – Кто такие фашисты? – заинтересовался Клайд. – Мой отец воевал с ними на этой земле, – сказал я. – Это давняя история, –

проговорил Гилин.— Мне было бы интересно, — намекнул я.— Хорошо, расскажу, если вам угодно, — согласился Гилин. И поведал следующее:

О спрятанных фашистах

Когда закончилась Большая война среди людей, три человека, называвших себя фашистами, проникли в Ульмеригию и нашли тут себе убежище. Какой демон привел их сюда — неизвестно. Жутко их было видеть. От голода еле на ногах стояли. Лица изможденные, злые, потерянные. Одежка кровью, дымом и землей пропахшая. Один руку больную на перевязи держал. Кто-то из жалости бросил им буханку хлеба. И несчастные, подобрав ее, стали рвать на куски, делить меж собой и есть. А потом предстали они перед Велнясом. Тот, выслушав их внимательно, решил посодействовать. «Пускай мне послужат, — рассудил он, — да поселенцев побьют». А народ после войны стал наезжать русский. Велнясу это пришлось не по нраву. Вот и решил он учинить поселенцам бедствия. А фашисты рады стараться, оружия с собой кое-какого приволокли, думали, в лесу партизанить станут, да по большевикам постреливать. Так они называли приезжих. Большевики, знать не знали, что в лесу фашисты убереглись да в село по ночам ходят воровать. Все среди своих виноватых искали, но тщетно. Первые годы фашисты безнаказанно промышляли. Селян, тех, кто в лес сунется, отстреливали. Мертвых приносили в жертву Велнясу, которого за господина своего почитать стали, да честь ему, вскидывая

руку, отдавали, что царя забавляло. С тех пор немало здешних жителей без вести пропало. Никто и не понимал, отчего. Пропитание фашисты на продуктовых складах тайком добывали. Но когда лес объявили лесничеством и поставили сюда хозяина, фашистам худо стало: выдать себя боялись. Тогда порядок в села пришел: никто больше кур, свиней, коз не таскал. Да и люди пропадать перестали. Все лесников благодарили. Жить фашистам тяжелее стало, все боеприпасы давно вышли, языка русского не знали, и демоны не очень их жаловали. Перебивалась троица чем придется. Было сунулся один из них во владения Лаумы, хотел ягод набрать, да Габия зрения его лишил, а раганы в ту же ночь на смерть кошмарами замучили. Другой повздорил с маркополями за собранный на морском берегу янтарь, и те забили его, растерзали, а останки вилктакам скормили. И поныне черепа тех двух фашистов украшают стены Стабгардского замка. А мундиры их с крестами, орлами, да оружие – хранятся в замковой сокровищнице. Третий фашист в отчаянии стал промышлять в Пруссовке. Однажды умыкнул он с пастбища корову, привел в лес и стал протискивать ее меж обломков Драконова камня. Корова тревожно мычит, ногами в землю упирается, рогами бодается – не идет. Услыхал Гентас панику, примчал на коне, увидел, что делается и задержал вора. У того и сил уже не осталось сопротивляться. Как догадался Гентас, что за человек перед ним с крестами на обветшалом грязном мундире, так и вскинул ружье. А фашист, увидав нацелен-

ное на него оружие, вдруг весь побледнел, затрясся и, едва вскрикнув, свалился наземь. Такой с ним удар случился, что уже не поднялся больше, а глаза испуганные на выкате застыли. «Похоже, до войны он служил здесь лесником, если знает тайну Драконова камня», – рассудил Гентас и, недолго думая, закопал труп в Ульмеригии. Нельзя, чтобы о фашисте спустя многие годы от конца войны власти прознали. Гентас мне объяснил: законы в государстве строгие, лесников могли по «соответствующим органам» затаскать, всю подноготную выведать, да наказать за укрывательство военного преступника. Такая вот история.

– Ничего подобного не слышал, ни от Гентаса, ни от моего отца, – с удивлением признался я, когда Гилин умолк. – Время порядочно миновало, – сказал он, – вспоминать о том Гентас более не желает. Нас окружал дремучий лес. Вокруг было сумрачно. Деревья слишком теснились, их кроны образовали синий полог, в прорехи которого просачивались радужные солнечные лучи. По ветвям, кустарникам, реденькой траве были развешаны плотные сети. Какие-то жуткие образины величиной с крысу висели на них, зло шипели и сверкали четырьмя красными глазами на макушке. Усохшие трупы их жертв, как спеленатые мумии болтались на паутине снизу. Эти демоны обладали шестью цепкими лапами и парой складчатых, как у драконов, крыльев, а шерсть их была густая и жесткая. Жаль, что у меня не было времени зарисовать их, но походили они на скрид и, возмож-

но, были их близкими, правда, хищными, родственниками. Держаться бы от них подальше. Любой шорох, скрип дерева, писк какой-нибудь твари – все привлекало внимание. Я шагал позади моих попутчиков, следом за Клайдом, отвлекаясь на все подряд. То и дело спотыкался, цепляясь ногами за торчащие посреди тропы корни, похожие на пальцы раганы. Ветки, усаженные загнутыми шипами, словно когтями, драли на мне одежду, царапались, лезли в лицо, норовя выколоть глаз. Узенькая тропа явно была мне не по размеру. Протоптали ее барздуки – непримиримые демоноборцы, партизанящие в этом лесу. Иногда тропа и вовсе терялась в зарослях папоротника. И только Гилин чувствовал себя в этой чаще свободно.

С четверть часа мы продвигались сквозь мрачные кущи, пока не выбрались на узенькую светлую поляну, за которой лес начинался удивительный. У меня дух захватило: лес этот был, словно вывернут наизнанку, и растительность в нем поменялась местами. Теперь все папоротники, травы и мхи возвышались над нами вместо деревьев, а те, напротив, были низенькими – своими кронами едва достигали мне до коленей. Я был весьма удивлен. Такого я еще не видел. – Что здесь происходит? – спросил я с недоумением. – Добро пожаловать в лес Лаумы, – объявил Гилин. – Царица пожелала, чтобы в ее лесу никто не мог отыскать грибов, ягод и лечебных трав. – А не проще было бы все эти грибы с ягодами из леса выкинуть? – сказал я. – Она сама их очень любит, – последовал ответ Гилина. – Все наизнанку в этом мире, – с досадой вздохнул Клайд. – Да уж, ничто не позволит разуму скушать, – заявил я. – Думаю, вас еще многое удивит, – с ухмылкой признался Гилин. – А пока приготовьтесь. Габия где-то здесь. Мы послушно достали свои очки, нацепили их на нос, закрепив душки за ушами, и продолжили путь среди толстых стеблей трав, таких высоких, что, казалось, их верхние листья, цветы, колоски цеплялись за лиловые облака. Очки нам сразу же пришлось поднять на лоб, а то ничего сквозь них не разглядеть, но в случае опасности, их будет легко вернуть

на глаза. Теперь я разом ощущал себя гигантом над пологом деревьев, если глядел вниз, и карликом среди трав, устремленных в небо. Зато было забавно наблюдать миниатюрные деревца. Мне даже захотелось пересадить их в горшки, чтобы устроить дома садик в японском стиле. А потом позвать цветоводов. Тогда в наше лесничество потянулись бы толпы туристов. Мы принимали бы делегации разных стран. Цена билета, конечно, сразу бы поднялась. И отец смог бы, наконец, скопить денег на хороший автомобиль. Что там машина, мы бы построили в нашей усадьбе русскую баню – мечта моей жизни, открыть музей природы и приглашать лекторов со всех стран. Наше лесничество превратилось бы в известный мировой заповедник... Я так размышлял, что споткнулся о булыжник. Оба моих приятеля разом обернулись. Гилян нахмурил брови. Клайд поднес указательный палец к губам. Я поднялся, отряхнул грязь с коленей и подобрал слетевшие очки. – Будь внимателен, – строго сказал Гилян. Я виновато кивнул, вернул на лоб очки, и мы зашагали дальше. Казалось, конца и края нет этому чудному лесу. Все было бы хорошо, если бы не напряженное ожидание опасности. Вскоре мы очутились на разреженном участке леса, здесь была небольшая лужайка среди гигантских стеблей трав, на которой под ногами росли крошечные ели, березки, буки. Тут барздук остановился и, показав куда-то вперед, вполголоса проговорил: – Габия уже рядом. Мы опустили очки на глаза. Некоторое время я рыскал затуманенным взором во-

круг, но ничего подозрительного не замечал. Мои попутчики стояли, как вкопанные, и тоже озирались. Да было уже поздно изображать из себя истуканов. За нами уже давно следили. Слепо вглядываясь в чашу, я наконец увидел мерцающее голубоватое свечение среди «стволов» занебесных трав. Оно плясало на земле и походило на стройное свечное пламя с человеческий рост. Этот Габия приближался. У него была стройная фигура. Можно было подумать, что демон исполняет какой-то изящный танец, и неоновой красотой своей вызывал восхищение. Выплясывая, он заводился все больше, темп его движений участился. Как вдруг Габия сделал неожиданный прыжок и, ударившись о землю, брызнул искрами в разные стороны. Тотчас из них выросли, заплясали кругом его отпрыски. Они распались, словно тысяча звезд, и окружили нас так ловко, что я опомниться не успел, как лес вокруг засиял ослепительными огнями. Лунник действительно спасал. Я был готов памятник поставить этому растению за его ценное свойство. Во всяком случае, место луннику в Красной книге для пушей надежности. — Как нам поступать? — шепотом спросил Клайд, видя, что кольцо из бесчисленных Габий сомкнулось. — Следуйте за мной, берегите глаза, мы пробьемся, — уверенно произнес Гилин. — Только один из этих плясунов — настоящий Габия. — И как его вычислить? — промолвил я, озираясь по сторонам. — Это не возможно, — ответил Гилин. Вот и успокоил. Мало-помалу мы приближались к огненной стене, от которой, что за шту-

ка? веяло прохладой. Глядеть приходилось осторожно, приподнимая очки над глазами. Гилин хранил невозмутимость. Я же нервничал, следя за тем, как вокруг нас пляшет теперь уже сотня, другая коварных огней. Мы словно в зеркальную комнату попали. Я даже растерялся. Как вдруг один злополучный стебель, корявый, словно ведьмин палец, смахнул с носа Клайда его очки. Один из пляшущих демонов мигом очутился перед взором Клайда и, яростно зашипев, ослепительно пыхнул в его лицо. Такого демонического взгляда не выдержал бы ни один глаз на свете. Но Клайд, потеряв очки, в ту же секунду вскрикнул и зажмурился, чем и спасся. Габия тотчас отпрянул. Мы с Гилином бросились к Клайду на выручку. Но бедняга нечаянно наступил на свои очки и раздавил их. Подняв обломки, я понял, что восстановить очки уже не удастся. Клайд стоял в растерянности.— Не открывай глаза, — советовал ему Гилин. Пришлось и барздуку зажмуриться, на ощупь вынуть из своих очков перепонку лунника и отдать ее Клайду. Теперь оба глядели на мир одним глазом, словно в пенсне, а другой пришлось держать закрытым. Мы двинулись дальше. Габия, тем временем, продолжал водить вокруг нас бешеный хоровод со своими отпрысками, путая нам мозг.— И сколько он будет морочить нам голову? — спросил я.— Пока не лишит зрения, — ответил Гилин и добавил: — или пока мы не выберемся из леса Лаумы. Затем Гилин, себе на уме, вынул из-за пояса нож, на ощупь выбрал поблизости подходящий стебель молодой травы толщиной с мою руку

и срезал его. Ловкими движениями ножа, Гилин умудрился сделать из стебля длинную полую трубку. Пока мы отвлекали внимание Габии, делая ложные попытки выбраться из его окружения, Гилин отыскал в пазухах гигантских листьев дождевую воду и принялся втягивать ее в трубку, пока она не наполнилась до половины. После этого мы вновь собрались вместе и стали приближаться к мельтешащему пламени. Выбрав нужный момент, Гилин поднес трубку к губам и выдул залп воды прямо на огонь. Он тотчас в том месте с шипением пропал. И мы проскочили в образовавшуюся брешь, прежде чем Габия опомнился. Как только мы оказались на свободе и поспешили по тропе из этого леса, Габия с неистовым гудением бросился было вдогонку, но Гилин обдал демона очередной струей воды, чем и охладил его пыл. На наше счастье, Габия отступил, мы покинули заколдованный лес и попали в обычный. Теперь хотелось перевести дух. Мы опустились на траву возле пня. — Дальше это не понадобится, — объявил Гилин и отбросил пенсне в сторону. Клайд осмотрел перепонку лунника, подумал и тоже выбросил. Я же сунул свои очки в грудной карман куртки. Было приятно осознавать, что мы уцелели. А очки предъявлю Гентасу, — решил я, — узнаю, почему он никогда не рассказывал мне о Габии.

Теперь тропа повела нас в гору. Она стала извилистой, словно ей тяжело было ползти по лесистому склону, и завилила ужом. Тут Гилин сообщил, что мы почти на месте. Но города я не увидел, – вокруг только дремучий лес, и никакого признака городской жизни. Впрочем, мои сомнения вскоре улетучились: деревья вдруг расступились, и мы подошли к высокой крепостной стене и двинулись вдоль нее. Что делается там, по другую ее сторону, – неизвестно. В любом случае нам следовало быть поосторожней. Пока что нас еще никто не засек, хотя в небе среди клубящихся зеленых облаков кружили три огромных змеетура, но беда обычно приходит неожиданно. Эти существа оказались из рода драконов. Честно сказать, я теряюсь в их классификации. По некоторым признакам их можно было бы отнести и к роду грифонов. Но, видимо, у пруссов было свое мнение. Полагаю, что змеетуры занимают особое положение между драконами и грифонами. У них глазастая змеиная морда, такая массивная, что удивляешься, как их рогатая голова держится на изящной длинной шее, передние лапы напоминают орлиные, а задняя часть тела – бычья. Их шкура блестит, словно хорошо начищенная бронза. А крылья перепончатые, как у драконов, и очень длинные. Такие вот стражи. Не самое достойное, даже позорное, для драконьего племени за-

нятие. Говорят, змеетуры служат еще и ездовыми животными для самого Велняса и его приближенных. Время от времени змеетуры обменивались громкими репликами, их голоса напоминали резвый свист зимнего ветра в каком-нибудь чердаке, вперемешку с воплями, вроде скрежета скрипки в неумелых руках. Гилин сообщил, что эти твари доносят царю обо всем, что происходит в столице – в этом маленьком городе на холме. Но Гилин заверил также, что сейчас с большой высоты за кронами деревьев змеетуры нас не разглядят. Оказалось, мы подошли к городу с тыла. Крепостная стена была сложена из гранитных валунов, а сверху – из кирпичей, и снабжена прямоугольными бойницами. Гилин сказал, что кирпичи – все из нашего мира: демоны разбирали сельскую кирху, тевтонские замки, немецкие усадьбы, от которых остались известные руины. На склоне холма возле городских ворот лес был расчищен, и там находилось поселение местной бедноты. Неудачники, уроды, инвалиды живут в деревянных избах за пределами городских ворот. Доступ в Стабгард этому сброду открывается только в сезонный ярмарочный день, как сегодня, и больше никогда. Даже в случае осады сельские демоны должны были защищать город за его стенами. Конечно, многие селяне пытаются что-нибудь выращивать на своих крошечных огородиках и держат мелкую скотину. Остальные довольствуются тем, что могут стащить, или торгуют частями собственного тела. Именно торгуют. Да, многие несчастные граждане Ульмеригии служат

запасным материалом для раненых дружинников царя Вел-
няса. Органы стоят не малых денег. Некоторые высокопо-
ставленные демоны Стабгарда разбогатели, доставляя селян
на разделку, когда возникает необходимость. Часто демоны
возвращаются ранеными из своих разбойничьих набегов в
наш мир. И только богатые имеют право на полноценную
медицинскую помощь. До поселка мы не дошли – там слиш-
ком опасно. Прошагав около полусотни метров вдоль город-
ской стены, обсаженной седыми елями, Гилин вдруг остано-
вился перед крупным валуном, который торчал в земляном
валу среди кустов. – Подсобите, – попросил Гилин и налег
плечом в бок монолита. Втроем мы уперлись в камень рука-
ми, а в землю – ногами. Валун сразу поддался. И как толь-
ко мы его сдвинули, перед нами открылся вход в подземе-
лье, из которого повеяло холодом. Я заметил, как бедный
Клайд поежился от озноба. – Это один из тайных туннелей,
– объяснил Гилин. – Следуйте за мной. Барздуки пользуют-
ся им давно и успешно. Пропустив нас в коридор, Гилин за-
маскировал вход ветками соседних кустов от чужого глаза
и протиснулся между нами вперед. После этого мы двину-
лись в путь сквозь крошечную тьму. Мои попутчики шага-
ли свободно. Мне же пришлось согнуться, чтобы нечаянно
не разбить лоб о какой-нибудь выступ в потолке или всюду
торчащие разлапистые корни. А потом я едва не налетел на
Клайда. Передо мной послышался тяжелый вздох. Нащупав
маркополя, я помог ему подняться, но мой друг так ослабел

от холода, что идти сам уже не мог.— Гилин! — позвал я. — Клайд замерзает.— О хладнокровный, — проворчал барздук с раздражением и приказал: — А ты помоги ему. Делать нечего, мне пришлось протиснуться вперед, посадить Клайда себе на спину, поверх рюкзака, и когда он сцепил свои ледяные пальцы под моим горлом, я встал на четвереньки и двинулся по коридору на карачках. Барздуки-партизаны накопили в Стабгард множество подземных ходов. Слуги Велняса то и дело обнаруживают их. Немало ходов ими было засыпано. Но барздуки, работая не хуже кротов, врагам не уступают, так что бороться с ними — дело пустое. Песок с бороды их не сходит. Казалось, мы целую вечность пробирались сквозь мрак, я изрядно устал. Видел бы отец, кого я таскаю на себе, — убил бы. Но я ему не скажу. Клайд висел на мне едва живой, и мне приходилось поддерживать его руками, чтобы он не свалился или не задушил меня. Влип я в какую-то жуткую историю. Вот угораздило взять в поход отцовский термос. А ведь можно было и обойтись. Да еще подвергаю опасности друзей. Не стоило мне пренебрегать родительским запретом. Теперь вот расхлебывай. Слишком я далеко забрался. К счастью заблудиться в этом туннеле нельзя: здесь только два направления — вперед или назад. Я чувствовал холодный, землистый, сырой воздух подземелья. Мне было не по себе. Никак не отпускали тревожные мысли: а не попадем ли мы в западню, что нам, безоружным, делать в гнездилище демонов, и как потом оттуда выбираться. Я с нетерпением

ждал проблеска света впереди. Один бы ни за что не решился проникнуть сюда. Между тем я упрямо выпихивал из головы желание немедленно повернуть назад. Я взял себя в руки, чтобы не позволить страху овладеть мной, его надо гнать. Вся жизнь состоит из испытаний. Одно тяжелее другого. Я пытался успокоиться. Но мне это едва ли удавалось. Как бы там ни было, а пробирались в темноте мы, точно, лет сто, пока, наконец, Гилин не остановился. Я застыл за его спиной, прислушиваясь к его сопению, пыхтению и ворчанию. А Гилин надавил плечом на какое-то препятствие впереди, весь напрягся и впустил в подземелье поток зеленоватого света. Он едва не ослепил меня. Но радость от заверченного нами пути в темноте вдруг захватила меня. Выбрались! Перво-на-перво, Гилин вышел наружу, осмотрелся и вскоре вернулся. — Путь свободен, все тихо вокруг, — сообщил он. Я выполз на свет и, сняв с себя Клайда, положил его на залитую солнцем брусчатку. Пока Клайд приходил в себя, я успел осмотреться, больно уж необычное место вокруг. Мы находились в каком-то переулке или даже в городском тупике. Справа и слева возвышались беззаконные зеленые стены домов, они, так же как и городская стена, были густо увешаны плетями вьюнков, так что прикрытый камнем вход в тайное подземелье невозможно было среди этих зарослей разглядеть. Впереди улочка поворачивала влево. А над головой сияло чистое солнечное небо. Тем временем Гилин сходил назад в нору и вынес, очевидно, заранее спрятанные в ней, три серых свер-

ка. Бросив их у стены, он задвинул плоским камнем вход, так что чужой глаз не поймет, где тот располагается среди других. Я с недоумением поглядел на свертки. Оказалось, что это балахоны, какие носят курке, только разного размера. Гилин развернул один балахон и бросил мне, другой, поменьше, – Клайду, а третий принялся напяливать на себя. – Эти вещи позволят нам слиться с городской толпой, что обманет шпионов, охранников и прочих агентов безопасности, – объяснил Гилин. Отряхнув руки от сырой земли, я тоже стал натягивать наряд. Мой балахон оказался маловат, и с натужным потрескиванием сел в обтяжку. Приодевшись, я опустил на голову капюшон, потом помог одеться едва согревшемуся Клайду. Руки его стали послушнее, сонная слабость, наконец, отступила, но выглядел он еще слишком зеленым. На его лице замерцала виноватая улыбка. Ну что тут поделаешь. Гилин тем временем все поглядывал наверх, опасаясь змеестуров, и ждал нас. Он, было видно, немного нервничал и даже начал пощипывать свою черную бороду пальцами. Наконец мы были готовы. – Клайд, ты в порядке? – спросил Гилин, пытливо глядя на дрожащего приятеля. – Да, уже лучше, – вяло промолвил тот, зябко потирая руки. – Мы в Стабгарде, – бодро сообщил Гилин, словно капитан экипажа, и заодно подмигнул мне правым глазом. – Добро пожаловать!

Открытый солнцу на вершине холма тесный каменный город был надежно упрятан в лесу за крепостным валом и высокой стеной. Вздумай враг сунуться – он бы получил ожесточенный отпор. Впрочем, современное оружие камня на камне бы не оставило. Да только на демонов никакие бомбы не действуют. Случись что, разбегутся по лесам, как муравьи, и станут обустраиваться заново. Но сюда вряд ли кто-нибудь явится из нашего мира. Разве что Гентас. Да ведь он прусс, поэтому – не в счет. Одноэтажные домики с двускатной черепичной крышей теснились один к другому; они были выстроены, кто знает, в какие эпохи. Узкие мостовые выложены гранитной брусчаткой. На улицах валялся мусор, тут или дворников не хватало, или их не было совсем. У домов был такой бледно-зеленый вид, точно их накормили каким-нибудь несвежим зельем. Куда ни глянь – всюду подворотни, переулки, тупики, но Гилин уверенно вел нас к цели, словно проводил в этих лабиринтах каждый день. Некоторое время мы шли среди домов по заковыристой брусчатке, затем повернули налево, а потом направо. Через сотню метров дома впереди расступились, и узкая безлюдная улица вывела нас на широкую весьма оживленную площадь. Понимались музыка, говор толпы, мычание, лай, крик петухов и прочие звуки средневекового города. Черными тенями

в небе среди желтых облаков кружили змеетуры. В центре просторной площади возвышалась священная сосна с толстым стволом, покрытым чешуйчатой корой медного цвета, и с обширной курчавой кроной. К стволу ее была привязана крестовина с распятым на ней белым вороном. Ворон давно высох, так что превратился в покрытую перьями мумию, и выглядел отвратительно. Под сосной находился плоский алтарный камень. Вот, где Велняс безнаказанно проводит свои обряды, противные богу Перкуно. Сосна была окружена частоколом с насаженными на колья черепами людей, животных и каких-то чудовищ. Позади площади возвышался краснокирпичный замок, окруженный рвом. Замок этот с высокими башнями выглядел устрашающе. Одна башня возвышалась над тремя другими, как зуб, до самых облаков. Кажалось, что большие высокие окна, похожие на черные глазницы, непрерывно за нами следят. А скульптуры драконов, украшающие карниз покатой крыши, вдруг оживут и устремятся к нам, чтобы схватить когтистыми лапами и отнести в логово зверя. По стенам трехэтажных домов были развешаны портреты Велняса во весь рост. Выглядел он по-человечески: в короне, алой накидке, доспехах и с мечом в руке. На площади сходились также три широкие улицы. Одна из них вела от замковых ворот прямо к городским, которые было хорошо отсюда видно: высокие, мощные с башнями по обе стороны. Сейчас Городские ворота были настежь открыты. По периметру площади стояли сбитые торопливыми лапами

торговые ряды, возле которых суетились покупатели. Справа от замковых ворот на подиуме располагался оркестр. Музыканты, — семеро демонов, — исполняли приятную на слух фольклорную музыку. Они тоже были разнородные: два рогатых, похожих на коряги, скрипача, косматый, как замшелый пенёк, гитарист, невнятная образина с щупальцами отбивала такт на барабанах, флейтист похожий на муравья величиной с лисицу, а также мург с бубном и курке с волынкой. Повсюду сновала прислуга. Несколько бесов, взявшись за руки, плясали напротив оркестра — ну прямо средневековые, только выглядели эти танцоры омерзительно: зубастые, рогатые, плешивые. Террариум на выезде. Демоны побогаче: маркополи, курке, раганы были одеты в пестрые камзолы, сапожки, шляпы. Беднота — в простенькие серые балахоны, а то и вовсе в покрытые пылью и грязью лохмотья. В такой разнородной толпе я не слишком выделялся ростом. Благодаря накидке с капюшоном, не вызывал ни у кого подозрений, так же как и мои попутчики. Местные обычаи казались мне дикими. Встречая знакомых, маркополи стучались лбами для приветствия — вот уж деревянные головы; курке обменивались ехидными взглядами; а прочие делали равнодушный вид, словно чужие, и отворачивались. Тут и там разгуливали коровы, пробегали трусцой поросята, бродили козы, куры, собаки и прочие животные, украденные в селах нашего мира. Праздничное настроение уже в разгаре: демоны галдят, поют, смеются, ругаются, шалят, кто во что горазд.—

Держи ее! – на бегу орал пьяный курке, стараясь поймать испуганную свинью. Эта свинья промчала мимо нас, как розовое облако, а демон, едва передвигая лапы, вилял по сторонам с вытянутыми пред собой руками. Но вдруг он споткнулся, упал, перевалился на спину и стал хвататься длинными пальцами за воздух, что вызвало всеобщее веселье.– Ишь, нарезался! – посмеивались на него.– У этого праздник со вчера начался.– Судьба, слава ей, приглядывает, иначе несдобровать пропойце.– Тише! Шпионы повсюду, – прошипел кто-то слева.– Врешь! – послышался ему ответ. – Сегодня праздник.– Велняс приказал в такой день всем радоваться, – добавил кто-то поблизости. – А ты противишься? Демоны веселились шумно. Не было бы печали, я бы тоже ликовал. Да надо быть поосторожней, забрать термос и – домой. Но уходить пока не хотелось. Клайд был удивлен происходящим не меньше моего. Ничего подобного при своей жизни в прошлом видеть ему не доводилось. От прежних традиций не осталось и следа. Досада искажала его лицо. Велняс построил разбойничье царство. А в каких ужасных уродов превратились прежде благородные духи! Современные маркополи у Клайда вызывали своим видом отвращение. Несмотря на их рост, а все они были с пятилетнего ребенка, выглядели они и в самом деле ужасно. Клайду было стыдно передо мной за все, что с этими тварями теперь происходило. Он еще острее почувствовал себя чужим на этом диком празднике. Наконец к замковой площади направилась процессия:

вереница слуг вынесла из царской резиденции трон, кресла, свернутую в рулон ковровую дорожку. Все это работники установили под сенью священной сосны. Трон был из прочного дерева, я думаю – дубовый, украшен растительным орнаментом, фигурками волков, а над спинкой его красовался столичный герб со знаком Судьбы в виде вытянутого треугольника в круге, который держат по обе стороны два священных дракона, а над ними парит зубчатая корона. Справа и слева от царского трона установили четыре кресла, обтянутые красным бархатом, затем раскатали лиловую дорожку. С самого начала я заметил странную высокую кучу хлама посреди площади, и только подойдя ближе, сумел как следует ее разглядеть. Она все время росла. Состояла эта куча из всяких предметов. Можно было подумать, торговцы блошиного рынка снесли сюда свои товары. И чего только тут не было: драгоценности, часы, посуда, магнитофоны – все то, что сумели натаскать за сезон местные демоны. Хорош урожай в честь царя Велняса. Мы подошли к этой лапотворной горе. И тогда, среди прочего хлама, почти на вершине этой пирамиды, я увидел отцовский термос. Я восторгнулся. находка заставила радостно биться мое сердце. Подходи, бери и сваливай отсюда. Но Гилин вовремя предупредил мой порыв:– Не сейчас, – придержал меня за руку, – демоны следят за своим добром во все глаза. Подождем удобного случая.– Хорошо, – вздохнул я. Впрочем, у меня разыгралось такое сильное любопытство ко всему происходящему, что я

с легкостью согласился подождать; все равно упущено много времени. И еще надо как следует обдумать план действий. Смутные идеи беспорядочно заматались в моей голове, я никак не мог придумать, как половчей забрать термос. Увидав то, зачем мы собственно сюда пришли, Клайд тоже приободрился. А Гилин задумался, чего-то себе соображая в бороду, но тут его окликнули:— Эй, приятель, составь компанию в покер! — обратилась к нему некая коряга с выпученными глазами, длинным носом и загнувшимися лапами, снабженными острыми когтями.— Я привык жить собственным трудом, — ответил ему Гилин.— Откуда ты такой зануда?! — возмутился уязвленный маркополь.— Не барздук ли переодетый?— А кто ж еще, — с ехидной усмешкой отозвался Гилин. Маркополь смерил Гилина злобным недоверчивым взглядом, насторожился. После этого мы поспешили смешаться с толпой.— Ну вот что, любезные, — в полголоса произнес Гилин. — Времени терять нельзя. Какие будут соображения?— Не знаю, что и придумать, — промолвил я с досадой.— Не кручинься, я достану сосуд, — уверенно проговорил Клайд. Мы с Гилином поглядели на него с недоверием. А Клайд продолжил: — Мне будет проще. Тебя, Гилин, выдает борода. Ты, Ярослав, подозрителен своими человечьими глазами.— Но как ты это сделаешь? — поинтересовался Гилин.— Я знаю, как, — ответил Клайд. — Свой тут народ. Авось договоримся. Ступайте. Пришлось с доводами Клайда согласиться, и он откланялся. Теперь мы с Гилином остались вдвоем. Придется еще за-

держаться в этой ярмарочной суете. Я очень надеялся, Клайду посчастливиться добыть термос, тогда мы мигом вернемся к тайному тоннелю и сбежим. У прилавков торговля кипела бурно. Товар – все ворованные вещи. К прочим услугам: палатки, торгующие попкорном, газировкой, сигаретами, пивом, семечками, вяленым снетком. Демоны не скупилась, так что мостовая была хорошо удобрена шелухой, фантиками и пустыми бутылками. Предприимчивые демоны набивали кошельки деньгами. Состоятельные покупатели были расточительны. Развлечений в Стабгарде хватало на все вкусы. Первые этажи занимали: рестораны, игровые залы, кино. Карты, рулетки, бильярд привлекали толпы. Сегодня веселились на широкую лапу. В здешних ресторанчиках подавали питье. Как я вскоре догадался, то был золотистый медовый шнапс – мешкинес. Гентас этот ценный напиток сам готовит по древнему рецепту и употребляет его разве только перед обращением к давно умершим предкам, чтобы они помогали ему в делах. А эти демонические твари упивались, не зная меры, отчего пьянели и вели себя отвратительно. Тут и там за столиками завязывалась пьяная драка, доносилась нечленораздельная ругань, самые наглые мерзавцы мочились друг на друга, а кое-кто не стеснял себя в бесстыжих приставаниях. Стая мургов на небольшом газоне соревновалась в меткости метанием друг в друга дротиков, при этом каждый из игроков пытался увернуться и в свою очередь попасть в противника. В случае удачи дротик пронзал демона насквозь, не

причинив никакого вреда, и падал в траву. В состязании побеждал самый меткий и ловкий. Раганы нараспев зазывали в подъезды любителей плотских утех: пришло время плодиться. В обычные же дни раганы не такие щедрые девки: хватает других забот. Эти ведьмы способны превращаться в змей, птиц, насекомых, таскают из наших сел маленьких детей, а потом готовят из них эликсиры вечной молодости, частенько проникают в сновидения жертв и крадут разум. Поедание жаб делает ведьм неуязвимыми. А Велнясу они доставляют какие-то особые грибы для его перевоплощений. Сейчас же раганы как на подбор: все прекрасные девицы, на таких и в нашем бы мире засматривались. Укради и живи – такому правилу следуют демоны, совершающие набеги в деревни по ту сторону Драконова камня. Самые ловкие не уставали нести награбленное добро. Повсюду в кошельки сыпались глёзы – в обмен на обманутых слезы, – тотчас сплел я странную рифму под звучащую музыку. Всеобщее празднество начало воодушевлять и меня. Но когда будет торжественный выход государя? Я заметил также, многие демоны, особенно мурги, курке и маркополи, были изуродованы шрамами, лишены конечностей, глаза или хвоста. Увечья эти они, ясное дело, получили в междоусобных драках. Каждый демон, желая пробиться во власть, старался угодить своему князю или даже царю. Борьба шла смертельная. Ведь государь щедро вознаграждает своих дворян. У Велняса были свои методы отбора дворовой прислуги. Он ценил воровские таланты, храб-

рость и готовность умереть во имя спасения короны. Впрочем, уже много веков на нее никто не покушался – некому. Гилин, между делом, рассказал мне, какую резню устроил однажды царь для самоутверждения. Заговорщики под видом партизан-барздуков атаковали поселение бедноты. Бандиты сжигали дома, грабили, насиловали. Но по высочайшему распоряжению беженцев в город не пускали. А потом, выступившая из столицы армия Велняса, с лихвой прогнала мнимых партизан. Бои стихли, да только плач, стоны, угрозы еще долго раздавались из подворотен сожженной деревни. В своем обращении к жителям Ульмеригии Велняс во всем обвинял партизан. А после, в день траура по убитым, была на площади под сосной устроена казнь. Полетели головы с плеч нескольких агентов безопасности, разведчиков, слуг за то, что они, якобы, не предупредили нападение партизан, не отразили атаку и позволили барздукам скрыться. В тот день подданные славили Велнясову справедливость. Словом, операция была проведена успешно. Кое-кто из приближенных к трону получили значительные награды, высокие титулы и мешки с деньгами. Служба при дворе вызывает у демонов безудержную зависть. Каждый желает, чтобы его заметили. И тащат они дары. А вдруг повезет, и в заветный праздник урожая Велняс наградит. Не хотелось бы мне, чтобы такой сомнительный строй жизни на наш мир перекинулся, – думал я. Между тем мы с Гилином поглядывали на растущую кучу с термосом. А в это время Клайд, ни дать ни

взять старый курке, успел разыскать нашего вора. Тот проходимец и сам объявился, едва заведев, как его ценность поднял незнакомец, и бросился к нему со всех ног.— Это мое, — сверкнув глазами, проговорил курке и сжал кулаки.— Продай мне сосуд, — потребовал незнакомец.— Ни за что, — ответил курке, отбирая термос. — Велняс не велит.— Эй, Гретус, продай — заработаешь! — слышались советы из толпы.— Я хорошо заплачу, — пообещал незнакомец, чувствуя поддержку случайных зрителей.— Нет, — упрямылся Гретус. — Это дар моему господину.— Мне очень приглянулся твой сосуд, — заискивающе проговорил незнакомец, — я готов хорошо заплатить. На это Гретус замялся, его взгляд сделался задумчивым, но вдруг он опомнился:— Он очень дорого стоит.— Продай, — ухмылялись в толпе, — эта жестянка вряд ли понравится его величеству.— Тысяча глёз, — потребовал Гретус, протянув ладонь незнакомцу, было ясно — легко сдаваться он не собирался.— Дюже много желаешь, — покачал головой тот.— Ты спятил, Гретус, — раздались в толпе саркастические усмешки. — Вон тот револьвер в куче гораздо ценнее, но стоит вдвое меньше.— Семьсот, — произнес Гретус сквозь зубы.— Так не годится, — с обидой возразил незнакомец. В толпе слышался ропот: одни упрекали Гретуса в чрезмерной жадности, другие подзадоривали его, отпуская едкие шуточки, третьи возмущались скупостью незнакомца.— Пятьсот — и мы разойдемся по-доброму, — уступил Гретус. Видимо, он сообразил, что и в правду будет выгодней продать вещь,

чем ждать милости царя, который и вовсе может не заметить этот сосуд во всеобщей свалке. Мало-помалу площадь набилась битком – не протолкнуться. Музыка с трудом находила себе путь сквозь гомон толпы. До нас с Гирином едва доносились даже ее обрывки. Как вдруг всеобщее внимание привлекли фанфары. Они раздались со стороны ворот замка. Толпа разом обратила взоры на двух трубачей, усердно дующих в длинные тримитасы. Все побросали свои дела. Над площадью повисла тишина ожидания. Наконец ворота открылись, и в следующую минуту мы увидели группу всадников. Ее возглавлял Велняс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.